

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ
•
ИЗУВЕР

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Безуглов

Изувер (сборник)

«Центрполиграф»

1975, 1991

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Безуглов А. А.

Изувер (сборник) / А. А. Безуглов — «Центрполиграф», 1975, 1991 — (Классическая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5308-1

В повести «Изувер» рассказывается о трагедии в дачном поселке: убиты несколько человек. Сложное расследование дойдет до суда и закончится смертным приговором. «Инспектор милиции» – это производственный роман из жизни участкового. По распределению Дмитрий из Москвы попадает в донскую станицу. Не на такое он рассчитывал, но неудачная шутка закадычного друга обернулась именно так. Все будет в Диминой станичной жизни и службе: и неудачи, и проклятия, и людская благодарность, и любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5308-1

© Безуглов А. А., 1975, 1991
© Центрполиграф, 1975, 1991

Содержание

Изувер	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анатолий Безуглов

Изувер

© А.А. Безуглов, 2019

© ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Изувер

повесть

Вечером 21 августа 1969 года дачный поселок Быстрица жил размеренной, спокойной жизнью. На улицах было много детворы. С волейбольной площадки доносились азартные возгласы играющих и гулкие удары по мячу.

Пожилые дачники чинно гуляли по поселку. Кое-кто возвращался из леса с лукошком, где лежали ядренные подберезовики и боровики.

В начале восьмого Александр Карпович Ветров, директор мастерских по изготовлению школьных пособий, уважаемый всеми человек, пошел поработать в свой сад. Сначала он хотел позвать в помощники сына – студента шестого курса медицинского института – Бориса и одиннадцатилетнюю дочь Ларису, но те увлеченно читали что-то, и он решил не мешать им. А так как жена, Надежда Федоровна, задержалась в городе, Александру Карповичу пришлось возиться на участке одному.

Через час Ветров вернулся в дом с ведром собранных яблок. Сын по-прежнему сидел в своей комнате на кровати с книгой в руках.

– Где Лариса? – спросил Александр Карпович. – Надо бы компот поставить варить.

– Не знаю, – ответил тот. – Может, пошла к Фая?

Это была подружка сестры.

Александр Карпович выглянул во двор. Калитка отворена – значит, дочь вышла погулять. Время еще не позднее, волноваться нет причин. Правда, несколько дней назад у девочки было пищевое отравление, что всполошило всю семью, но Лариса уже поправилась и дала слово ни у кого ничего не есть.

Вечер стоял прекрасный. Здесь, в Быстрице, вдалеке от шумного города, отдыхали, как говорится, душа и тело.

За разговором с сыном Ветров не заметил, как за окнами постепенно сгустились сумерки. Александр Карпович любил беседовать с Борисом. Сын был начитан, разбирался в политике, литературе, искусстве.

Лариса что-то задерживалась, и это начало беспокоить отца, так как с наступлением темноты девочка обычно была уже дома.

– Сбежал бы ты к соседям, – попросил Александр Карпович сына.

Борис сходил к подруге сестры. Но там ее не было. А Фая, ровесница Ларисы, сказала, что виделась с ней около полудня.

Сообщение сына встревожило Александра Карповича. Когда из города приехала Надежда Федоровна, уже совсем стемнело, тревога за дочь еще больше возросла. Все трое – отец, мать и Борис – пошли к соседям, расспрашивая о Ларисе. Но никто не видел девочку вечером.

Вернувшись домой, обнаружили, что нет Ларисиних красных туфель, в которых она обычно уходила играть на улицу. Александр Карпович вспомнил про отворенную калитку и про ключ от нее, который лежал на крыльце дачи.

Борис на всякий случай осмотрел весь участок, даже слазил на чердак: может, сестренка решила пошутить и заснула там? Но Ларисы нигде не было. Дело принимало серьезный оборот.

Никто из Ветровых даже не помышлял об ужине. Думали-гадали, куда могла пойти Лариса. Вечером, когда отец уходил в сад, а Борис находился в своей комнате, девочка читала в гостиной – так именовали Ветровы большую общую комнату на даче. Раскрытая книжка осталась лежать на столе.

И снова все трое отправились на улицу. Опять ходили по поселку, звали девочку. К поискам подключились участливые соседи. Кто-то высказал предположение, что Лариса, никому ничего не сказав, отправилась в город и заночевала у кого-нибудь из родных. Это предположение оставляло единственную надежду в том отчаянии, которое все больше охватывало Ветровых.

До утра никто не ложился спать.

Александр Карпович и Надежда Федоровна пили сердечные и успокаивающие средства, а Борис не находил себе места. С первой электричкой он поехал в город, а с вокзала – сразу к бабе Мане, родной тетке матери, к которой Лариса была особенно привязана. Баба Маня всполошилась и заявила, что внучатая племянница у нее не появлялась. Борис обзвонил и объездил всех родственников и близких знакомых.

Девочка как в воду канула.

Пока Ветров-младший искал Ларису в городе, в Быстрице была поднята на ноги местная милиция. С наступлением дня поиски девочки в поселке были продолжены. В них участвовали многие соседи Ветровых. Особенно тщательно прочесали примыкающий к Быстрице лес. Но все это не дало никаких результатов. Единственной находкой был носовой платок, обнаруженный в траве на перекрестке Баркановской и Красной улиц. Родители опознали его – платок принадлежал их дочери.

Давая объяснение работникам милиции по поводу исчезновения Ларисы, Ветровы отметили одну немаловажную деталь: из дома пропали две настольные игры дочери, в картонных коробках, которые обычно находились в гостиной. Вероятнее всего, Лариса отправилась куда-то с этими коробками, но куда и к кому – этого никто не знал.

Борис, вернувшись из города, первым делом спросил: «Нашли?» Ответ читался на заплаканных лицах родителей.

По инициативе инспектора уголовного розыска Быстрицкого отделения милиции был вызван проводник со служебно-разыскной собакой. Но и это ничего не дало.

Ларису не нашли ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день...

Работники милиции, занимающиеся поисками, опрашивали соседей по даче, родных. Все говорили, что Лариса не по годам крупная, почти с оформившейся женской фигурой – словом, акселератка. Это наталкивало на мысль: а не могла ли она стать жертвой насильника? Не исключалось, что ее куда-то заманили, а потом убили. Тем более что одна из соседок рассказала, что за несколько дней до исчезновения она якобы видела Ларису с незнакомым мужчиной.

Но труп обнаружить пока не удавалось.

Был объявлен розыск. Размноженные фотографии девочки с ее словесным портретом разослали по всей области. Более того, об исчезновении Ларисы Ветровой было сообщено в областной газете, а фото показано по местному телевидению. К населению обратились с просьбой: если кто видел девочку или знает что-либо о ее местонахождении, пусть срочно сообщит об этом в милицию. Но сообщений не поступало. Зато в квартире Ветровых беспрестанно звонил телефон: знакомые и малознакомые люди выражали сочувствие. Каждый звонок рождал надежду: а вдруг это Лариса или человек, который сообщит, где она? Но всякий раз Ветровых ждало разочарование, что еще больше сгущало и без того гнетущую атмосферу.

Из газеты и телепередачи узнали о горе Ветровых сокурсники Бориса.

Кое-кто звонил, а некоторые приехали к нему на дачу, чтобы поддержать товарища.

Но хотя родные и близкие, соседи по дачному поселку и по городской квартире, сослуживцы и все знакомые окружили Александра Карповича, Надежду Федоровну и Бориса вниманием, это мало чем могло их утешить. Трудно было сказать, кто из них переживал сильнее.

Семья Ветровых жила дружно и счастливо. В ней царили согласие и любовь.

Многие им завидовали. Как говорится, «белой» завистью. А завидовать, по мнению окружающих, было чему.

Ветров-старший имел неплохое положение, пользовался как руководитель авторитетом у себя в коллективе.

Трудолюбивый, выдержанный, отличный семьянин. Сам не пил и не любил пьяниц, что не мешало ему быть хлебосольным хозяином. В доме Ветровых на праздники и торжества собирались многочисленные гости – солидные, уважаемые люди.

Под стать Александру Карповичу и Надежда Федоровна – любящая жена и мать, уважаемый человек на работе.

Что касается детей – родители были ими довольны. Дочь – послушная и ласковая, а Борис – гордость семьи.

Еще бы, поступил в институт, в который так трудно попасть из-за большого конкурса. Учеба шла успешно. Ветров-младший был на хорошем счету у преподавателей, участвовал в работе студенческого научного общества. К пьянкам и пустому времяпрепровождению его не тянуло. При этом имел видную внешность. Неудивительно, что от невест не было отбоя.

Когда отец получил участок в Быстрице, дом поднимали сообща. Александр Карпович трудился над возведением дачи самозабвенно, не чурался никакой работы, даже самой черной.

И не раз соседи корили своих лентяев сыновей, приводя в пример Ветрова-младшего: тот и забор поможет отцу поставить, и дом покрасит, и огород вскопает. Словом, помощник хоть куда.

Что говорить, дружная была семья.

Труженики. Отсюда и достаток: отлично обставленная двухкомнатная квартира в городе, добротная дача. Поговаривали, что Ветров-старший намеревался приобрести «Волгу». В этом имелся свой резон: у Бориса была невеста, симпатичная скромная девушка, Ольга Каменева. Ее принимали в доме как свою. По мнению родителей, явно шло к свадьбе.

А какая свадьба без подарка, солидного и в то же время нужного? С машиной поездки на дачу стали бы удобнее и менее хлопотны.

И вот на эту семью, которую многие считали образцовой, обрушилось несчастье.

Лариса была любимицей родителей и брата. Наверное, потому, что младшая и девочка. Мысль о том, что с ней случилось страшное, была невыносима.

Надежда, теплившаяся какое-то время после ее исчезновения, растаяла. Конечно, каждый из Ветровых старался поддержать, подбодрить другого, но отчаяние становилось с каждым днем нестерпимее.

Александр Карпович постарел лет на десять. Ничто его не радовало. Между тем приближался его юбилей – шестидесятилетие, к которому давно готовились дома и на работе. Теперь думы о том, что этот день он встретит без дочери, жгли душу. Дачный поселок постепенно пустел. Многие уже выехали в город, чтобы подготовить детей к школе: купить новую форму, учебники. И это еще больше растревляло рану. Первого сентября нарядные, с букетами цветов все ученики придут к первому звонку, а Ларисы среди них не будет... Борис делился своими опасениями насчет отца с невестой и матерью. Сам Александр Карпович признался ему: «Я, конечно, держусь, но уж если споткнусь, то так упаду!.. Я чрезвычайно устал... Мне очень трудно выносить все это... Не знаю, как мне еще удастся держать себя в руках».

Наверное, то же самое могла сказать о себе и Надежда Федоровна. На грани отчаяния находился и Борис, что трудно было не заметить родителям и друзьям. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, родители приглашали на дачу приятелей, просили Олю Каменеву чаще бывать с ним. Александр Карпович и Надежда Федоровна считали, что из всех знакомых девушек она лучше всех понимает Бориса, относится к нему внимательнее и нежнее. По их просьбе Оля находилась при женихе неотлучно.

Подшло 28 августа – день шестидесятилетия Александра Карповича. На дачу приехало несколько самых близких родных и знакомых семьи Ветровых. Не для того, чтобы поздравить юбиляра, – просто люди хотели быть рядом в тяжелую минуту. Кто-то остался ночевать, кто-то быстро уехал, не в силах вынести тягостную атмосферу.

В народе говорят: беда не приходит одна.

Наступило 31 августа. Вечером в поселке было тихо. Не доносились с улицы голоса: начинался учебный год, детей увезли в город.

На даче Ветровых находились Александр Карпович, Надежда Федоровна, Борис и Оля Каменева.

В половине четвертого ночи, когда весь поселок спал крепким сном, к дому Бобринских, соседей Ветровых, прибежала бледная, насмерть перепуганная невеста Бориса и отдала им двустольное ружье. Из малосвязного рассказа девушки соседи поняли только одно: сейчас произошла трагедия – Александр Карпович из этого охотничьего ружья убил свою жену и застрелился сам. Борис в таком состоянии, что Ольга боится, как бы он не сделал что-нибудь с собой, поэтому она решила унести ружье из дома.

Поспешившие на место происшествия Бобринские увидели страшную картину. Ужасные ранения головы у обоих не оставили никакого сомнения в том, что они мертвы. Александр Карпович выстрелил в себя с помощью шнура, привязанного к спусковому крючку ружья.

Борис, как сомнамбула, бродил по дому в трусах и майке, не замечая вокруг никого и ничего, потрясенный случившимся.

Скоро о трагическом событии узнали и другие жители Быстрицы. Многие собрались в доме Ветровых. Кто-то позвонил в милицию. В поселок приехала дежурная группа из райотдела внутренних дел. Вместе с ней прибыли заместитель районного прокурора младший советник юстиции Речинский и судмедэксперт.

После того как место происшествия было осмотрено и сфотографировано, Речинский решил побеседовать с Борисом.

Молодой человек находился чуть ли не на грани помешательства.

– Я так и думал... Я все время боялся этого... – без конца повторял он. Его трясло – то ли от нервного шока, то ли от холода. Утро выдалось свежее, а на нем была легкая рубашка с короткими рукавами.

Зампрокурора района попросил Бориса рассказать о случившемся.

– Лег я в двенадцать часов, – начал Ветров. – Родители легли в своей комнате еще раньше, в начале одиннадцатого. Мне показалось, что они уже заснули... Вообще-то с тех пор, как исчезла Лариса, ну, сестра, они не обходятся без снотворного... Я тоже стал плохо засыпать... И сегодня так же. Все время ворочался. Потом будто куда-то провалился. И вдруг – выстрел! – Борис замолчал и обхватил голову руками так, что побелели суставы.

– В котором часу это было? – задал вопрос Речинский.

– В половине четвертого. Это я потом посмотрел на часы, когда зажег свет. Ольга тоже проснулась. Моя невеста...

– Вы спали с ней в одной комнате?

– Да, в моей. Вместе. Понимаете, фактически мы уже муж и жена. Хотели подавать в ЗАГС. И поэтому...

– Понимаю, понимаю, – кивнул Речинский. – Продолжайте, пожалуйста.

– Ольга шепнула: сходи в их комнату, там что-то случилось. Хочу встать, пойти, но боюсь чего-то... Сам весь в поту... В последнее время отец был какой-то странный... Я сразу догадался, что в спальне родителей произошло что-то ужасное. Откуда-то появилась мысль: вот открою их дверь, а он в меня... Вдруг – еще выстрел... Тут уж я вскочил. Словно пружиной подкинуло... Бросился к ним. Распахнул дверь. Темно, почти ничего не видно, а включать свет – страшно... И, главное, тихо. Абсолютная тишина. Я сдернул с отца одеяло. Ружье упало

на пол. Я стал на ощупь искать у отца рану и вдруг заметил, что вокруг его головы все темное. Это была кровь... И на маминой подушке тоже... Я выскочил из спальни. Включил в большой комнате свет. На часах – около половины четвертого.

– А точнее? – спросил Речинский.

– Не то двадцать четыре минуты, не то двадцать семь... Зашел к Оле. Говорю: отец убил мать и себя... Мы вместе прошли в комнату родителей... Я поднял ружье с пола, но Оля зачем-то отняла его у меня и выбежала из дома... Потом появились Бобринские, ну, соседи... Потом еще какие-то люди... Потом вы...

– Вы сказали, что ваш отец в последнее время был какой-то странный. Когда это началось и в чем выражалось?

Борис рассказал, как пропала сестра, как переживал Александр Карпович. Да и вся семья тоже.

– Вдруг он стал все прятать, – продолжал Ветров. – Никогда ничего не прятал, а тут... Раньше у нас в холодильнике или в буфете стояли бутылки с вином, коньяком. Для гостей. Вообще-то отец не любитель спиртного. Мама и я тоже не пьем. А отец зачем-то спрятал все бутылки... И еще. Ни с того ни с сего говорит мне: «Все равно Ларочка всегда будет со мной». Я стал успокаивать его: конечно, она, мол, найдется, и мы опять будем все вместе. Он как-то странно посмотрел на меня и тихо произнес: «Не с вами... Ларочка будет со мной...»

– Когда произошел этот разговор? – задал вопрос зампрокурора.

– Дней пять назад. Я передал его маме. Она очень расстроилась. Опять, говорит... Я стал допытываться, что она имеет в виду под словом «опять». Мама расплакалась. Потом рассказала мне, что у папы было уже однажды душевное расстройство. Во время войны. Ты, говорит, Боря, медик, поймешь меня... Вспомни, мол, дядю Ваню...

– Кто такой дядя Ваня? – поинтересовался Речинский.

– Мой дядя, родной брат отца. Когда он умер, я был еще маленький. Ну а они скрывали, от чего умер дядя. Я узнал об этом совсем недавно. Папа проговорился. Оказывается, Иван Карпович покончил с собой. Тоже застрелился...

– Ваш отец находился на учете у психиатра?

– Не знаю, – пожал плечами Борис. – Спрашивать у него было как-то неудобно. Сами, наверное, понимаете: такие вещи скрывают. И маму не расспрашивал... Одно мне известно доподлинно: отец был освобожден от службы в действующей армии во время войны. По состоянию здоровья.

– Какая болезнь?

– Не могу сказать. Я видел его освобождение от военной службы. Но там только цифровые и буквенные обозначения. Что скрывается за этим шифром, понятия не имею.

– Где находится это свидетельство?

– В городской квартире. Оно всегда лежало в буфете. Могу вам привезти.

– Хорошо, если понадобится, я скажу, – кивнул зампрокурора. – Александр Карпович не говорил конкретно о намерении покончить с собой?

– Конкретно? – повторил Ветров и ненадолго задумался. – Что-то вроде этого было... После того как пропала сестра, отец все время твердил: «Зачем нам жить?»

– Кому это «нам»?

– Ну, ему, маме и мне. Раз говорит, Ларочку не уберегли, то и жить не стоит... Особенно плохое настроение было у него в день рождения. Три дня назад. Смотрю – ходит по саду. К нам люди приехали, а он бросил всех и ушел на участок. Мы боялись оставлять его одного, поэтому я тоже вышел. Глянул на отца, а у него глаза какие-то безумные. Спрашиваю: «Что с тобой, папа?» Он тяжело-тяжело вздохнул и опять: «Зачем жить? Умереть ведь так просто. Один миг...» И так посмотрел на меня, что я испариной покрылся... Стал отвлекать его разговорами.

А он словно и не слышит. Взял меня за руку и говорит: «Может, втроем? С тобой и с мамой?..» Честно говоря, я его понимал. Мне самому так тошно было... Тут нас позвали в дом.

– А об этом разговоре вы сообщили матери?

– Хотел, но не успел, – вздохнул Борис. – То гости мешали, то она приезжала поздно. Короче, случай не представился. – Ветров помолчал, глядя куда-то сквозь Речинского. – Если бы я знал!.. Надо было сказать маме, отвезти отца к врачу... Тогда ничего не произошло бы...

– Кому принадлежит ружье, из которого были произведены выстрелы? – спросил Речинский.

– Это папино ружье. Он иногда ездил на охоту.

– А где оно обычно висело? – продолжал зампрокурора.

– В их комнате. Прямо над кроватью. Не знаю, может, у меня было предчувствие... Позавчера я перенес ружье в большую комнату. Смотрю, вчера утром отец снова повесил его на прежнее место. У меня была идея спрятать ружье и патроны... У отца их целая коробка... Не успел, – сокрушенно закончил Борис.

– Когда вы переносили ружье в большую комнату, оно было заряжено? – задал вопрос Речинский.

– Нет, не заряжено. Это я хорошо помню.

Речинский хотел поговорить и с невестой Бориса, но девушку в нервном расстройстве увез в город кто-то из соседей – так сильно подействовало на нее пережитое ночью.

Приехала машина из морга. Трупы были отправлены в город для вскрытия и проведения судебно-медицинской экспертизы.

Сколько ни искали представители следствия посмертную записку, обнаружить ее так и не удалось.

На что обратил внимание Речинский, так это на заряженный патрон шестнадцатого калибра, лежавший на тумбочке возле изголовья кровати в комнате родителей Бориса. Патрон находился с той стороны, где было обнаружено тело Александра Карповича.

Выходит, зачем-то нужен был Ветрову-старшему третий патрон, если Александр Карпович держал его под рукой.

Видимо, он предназначался для сына.

По факту гибели супругов Ветровых было возбуждено уголовное дело. Следствие вел следователь областной прокуратуры Рудковский.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть обоих наступила в результате ранения головы, причиненного огнестрельным оружием. И этим оружием явилось ружье, принадлежавшее Александру Карповичу Ветрову, – охотничья двустволка шестнадцатого калибра производства Тульского оружейного завода. Патроны были заряжены дробью.

Выстрел в Надежду Федоровну был произведен с расстояния приблизительно семидесяти сантиметров. К себе Александр Карпович приставил срез ствола во время выстрела почти вплотную – на расстояние два – четыре сантиметра. Спусковой крючок был спущен им посредством шнура, перекинутого, скорее всего, через торцовую часть приклада.

Рудковский допросил Бориса Ветрова. Рассказывая о происшествии, тот повторил, правда более подробно, то, что сообщил ранее заместителю прокурора района Речинскому.

– Что же, по-вашему, толкнуло отца на самоубийство? – спросил следователь у Бориса.

– Пропажа сестры Ларисы, – ответил Ветров. – Папа очень переживал. Это подействовало на него чрезвычайно сильно... Понимаете, он считал себя в какой-то мере виновным...

– Объясните, пожалуйста, что значит «считал себя в какой-то мере виновным»?

– За несколько дней до исчезновения сестры у нее произошла ссора с папой.

– Из-за чего?

– В поселке ходили грязные сплетни... Как будто бы Ларису видели с каким-то взрослым парнем... Отец деликатно поговорил с ней, предупредил, что есть, мол, нехорошие люди... Сестра обиделась. Знаете, как бывает у детей?

Они все воспринимают в преувеличенном виде. Лариса замкнулась, не хотела разговаривать с родителями. Они к ней так и этак – безрезультатно. Отец попросил меня поговорить с Ларисой...

Я решил подойти к ней ласково. Сестра расплакалась. Уйду, говорит, из дома и все... Когда она пропала, я сказал о ее словах отцу. Конечно, не стоило... Теперь жалею об этом. Он страшно расстроился. Весь день вздыхал, потом признался: «Если Ларочка не найдется, никогда себе этого не прощу...»

– Когда состоялся этот разговор?

– Через день, кажется, после исчезновения сестры. Отец решил, что Лариса не простила ему того разговора и ушла из дома. Мы с мамой, разумеется, пытались разубедить его... – Борис вздохнул и замолчал.

– Дальше?

– Конечно, с его большим воображением...

– Что вы имеете в виду? – спросил Рудковский.

– Нормальный человек не натворил бы такого, – сказал Борис и пояснил: – Я уже говорил. Отец был душевнобольным. Понимаете, раньше я не особенно придавал значения его странностям. Все люди разные. Одни веселые, другие мрачные. Каждый, как говорится, чудит по-своему... За несколько дней до этого убийства с самоубийством мать призналась мне, что у отца было психическое заболевание. Честно говоря, для меня это не явилось новостью. Поймите правильно, я ведь без пяти минут врач. Изучал психиатрию, бывал в больницах. Симптомы знаю. По-моему, основная причина случившегося – его болезнь.

– Если так, почему вы ничего не предпринимали? – спросил следователь. – Почему не заставили его лечиться?

– Легко сказать, – тяжело вздохнул Борис. – Ну, во-первых, психиатрия такая область, где случаи, подобные отцовскому, сразу распознать трудно. Надо принимать во внимание и возраст. В его годы у многих наблюдается старческий склероз. Во-вторых, речь шла о таком близком человеке, как отец. Согласитесь, нелегко признать, что твой отец – шизофреник. Хоть разум и требует признать, а сердце все равно сопротивляется. В-третьих, его болезнь прежде от меня скрывали. Как и то, что в их роду дурная наследственность. К сожалению, я узнал об этом буквально дня за два-три до случившегося.

– Что же вы узнали?

– То, что его брат – шизофреник. И что он застрелился. Моего деда по отцовской линии тоже признавали психически ненормальным. Он чуть в тюрьму не угодил... Как-то взял топор и стал на улице рубить столб. Это было в тридцатых годах. Ну, его арестовали как вредителя. Правда, потом разобрались, что к чему, и выпустили. Поняли, что лечить надо... И тетя, между прочим, ведет себя подозрительно. Сестра отца. Я ее люблю и не могу понять, почему она не пришла на похороны, хотя была очень привязана к папе...

– В чем, по-вашему, выразалось странное поведение отца?

– Неадекватность реакций... Простите, это научный термин. Попробую объяснить популярно. Настроение не зависело от видимых причин. Вдруг становился замкнутым без всякого повода...

Борис рассказал следователю о появившейся у Александра Карповича перед самоубийством мании прятать деньги, вещи, в частности бутылки со спиртным, а потом забывать, куда спрятал. И о странных словах отца «Ларочка всегда будет со мной».

– И еще. Я стал замечать за ним какую-то непонятную ритуальность... Придавал большое значение тому, где что находится. Например, фотография деда должна лежать в правом

ящике письменного стола, а фото дяди Ивана – в левом. Мать случайно положила их в один ящик. Отец сделал ей настоящий выговор... Ружье на стене должно было висеть так, чтобы дуло было выше приклада. Перед сном он обязательно должен был дотронуться до серебра: ложки, подстаканника – в общем, что было под рукой. Явные признаки больной психики... Знаете, после всего этого я стал заниматься самоанализом: не передалось ли мне по наследству? – Борис печально усмехнулся. – Это вообще отрицательная черточка в нашей профессии – искать у себя симптомы всех болезней... Но, кажется, судьба меня помиловала. Победили мамины гены. Она с крепкой, здоровой психикой. Была...

– А ваша сестра? – поинтересовался Рудковский.

– Лариса еще маленькая, чтобы делать какие-то выводы. Шизофрения – болезнь, которая обычно проявляется в период полового созревания.

Раз уж разговор коснулся Ларисы, следователь расспросил подробнее о событиях, происшедших 21 августа.

– Знаете, – сказал Борис в заключение, – я не верю сплетням, будто ее видели с каким-то мужчиной. Злые языки... Не понимаю, зачем кому-то трепать наше имя...

Рудковскому было известно, что милиция продолжает поиски Ларисы Ветровой, но пока безрезультатно.

Конечно, исчезновение любимой дочери могло послужить поводом для решения Александра Карповича покончить с собой. Особенно, если учесть его болезненное состояние.

Допрошенная невеста Ветрова, Ольга Каменева, показала: после исчезновения Ларисы Борис не раз говорил ей о том, что его очень беспокоит поведение отца, он боится, как бы Александр Карпович не сделал чего-нибудь с собой, и что лучше всего было бы поместить его в больницу для лечения. Она подтвердила, что во время выстрелов находилась вместе с Борисом в одной комнате.

...О том, что у Ветрова пропала сестра, его приятели и сокурсники узнали из передачи областного телевидения.

Теперь же они узнали и о другой трагедии в семье Бориса – гибели родителей. Друзья старались не оставлять своего товарища одного в беде. Приходили к Ветрову домой, звали к себе в гости.

Студентам шестого курса, на котором учился Ветров, вскоре предстояло разъехаться на практику. Борис должен был отправиться в небольшой городок Средней Азии.

– Боря, – говорили ему друзья, – тебе нельзя сейчас отлучаться из города. А если найдется Лариса? Как она перенесет смерть родителей? И вообще, кто заменит ей отца и мать?

– Не могу я оставаться, – отвечал Ветров. – Хочу уехать куда-нибудь подальше, хоть немного забыться... Я уже не верю, что Ларису найдут. Разве что произойдет чудо...

– Нужно надеяться, – твердили товарищи. – Ведь в милиции еще не сказали ничего определенного.

В конце концов Ветров соглашается, да, надо надеяться.

Товарищи Бориса по курсу уговаривали его обратиться в ректорат института с просьбой, чтобы его оставили практиковаться в городе. Хотели даже направить целую делегацию. Ветров, уступив уговорам, пошел к проректору сам.

Проректор, профессор Петряков, отнесся к просьбе Ветрова очень внимательно.

– Мы обязательно что-нибудь сделаем для вас, – сказал он. – Правда, возможно, оставить в самом городе не удастся, но попробуем устроить вас на практику в области. Например, в районе, где, кажется, находится ваша дача. В Быстрице, так?

– Да, – кивнул Борис.

Петряков был осведомлен, где пропала сестра Ветрова.

А поиск Ларисы продолжался. Так как в области не удалось обнаружить ни девочку, ни ее труп, милиция объявила всесоюзный розыск.

В начале октября Борис женился на Ольге Каменевой. И хотя со дня смерти его родителей прошел всего месяц, никто не осуждал его: родные и друзья понимали, как трудно вынести горе в одиночестве. К тому же на плечи Бориса свалилась масса дел и забот по дому и даче. И год предстоял ответственный – преддипломный.

Ольга переехала жить на городскую квартиру Бориса. Знакомые, бывая у них, видели: молодая женщина делала все для того, чтобы он поскорее оправился от пережитого.

Вместе они разбирали бумаги и документы, оставшиеся от родителей. И как-то наткнулись на пожелтевший от времени листок. Это была выписка из истории болезни № 1062. В ней говорилось, что в 1943 году Александр Карпович Ветров находился на лечении в Свердловской психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения».

Ветров-младший представил выписку следователю Рудковскому.

– Когда-нибудь раньше вы этот документ видели? – спросил следователь.

– Нет, никогда. Родители, по-видимому, не хотели, чтобы я знал о болезни отца, – ответил Борис.

Рудковский приобщил выписку к делу. То, что Ветров-старший действительно страдал психическим заболеванием, теперь было подтверждено документально.

Итак, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, подтверждающего, что Александр Карпович мог убить жену, а затем выстрелить в себя, принимая во внимание болезнь Ветрова-старшего, которая привела его к убийству жены и самоубийству, следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела.

Когда об этом известили официальным письмом Бориса, он, читая его жене, не без сарказма заметил:

– А еще юристы! Смотри, как неграмотно написали: «Дело о самоубийстве ваших родителей прекращено...»

– А как надо? – спросила Ольга.

– Надо было: «Дело об убийстве жены и самоубийстве...»

Многих взволновала трагедия в семье Ветровых. И хотя дело было прекращено, в прокуратуру поступали письма, в которых выражались сомнения в том, что Александр Карпович убил жену и себя. Однажды раздался телефонный звонок в кабинете заместителя прокурора области. Какая-то женщина, не пожелавшая назвать себя, коротко сообщила:

– Ветровых убили. Ищите получше! – и бросила трубку.

Зампрокурора решил еще раз ознакомиться с делом. Взяв его из архива, скрупулезно, лист за листом, изучил документы. Сомнения, высказываемые в письмах, охватили и его. В частности, он понял, что осмотр места происшествия после обнаружения трупов Ветровых был произведен поверхностно.

Имелись разногласия в показаниях свидетелей – соседей по даче. Но главное – с самого начала Рудковский фактически разрабатывал только одну версию – версию самоубийства Ветрова и убийства им жены.

Было решено отменить постановление о прекращении дела. Посоветовались с вышестоящим руководством.

Была создана следственная группа во главе со следователем по особо важным делам Владимиром Георгиевичем Гольстом, приехавшим из Москвы.

Ознакомившись с документами, которые достались ему от предшественника, Владимир Георгиевич пришел к выводу: «белых пятен» в деле предостаточно. Что собой представляли Александр Карпович Ветров и его жена Надежда Федоровна? Какие были у каждого из них взаимоотношения с родственниками, знакомыми, сослуживцами? Не было ли у Ветрова-старшего, помимо переживаний из-за пропажи дочери, и другой причины, толкнувшей на самоубийство? Может быть, женщина? Или он оказался замешан в темных махинациях? Бывает,

человек так запутается, что видит один-единственный выход из создавшегося положения – смерть.

И, чтобы не обречь на позор семью, убивает своих близких. То, что Борис остался в живых, могло быть случайностью. Недаром он опасался, что отец убьет и его, когда он вбежит в спальню родителей после первого выстрела. На тумбочке ведь лежал третий патрон.

Все это требовало проверки.

Владимир Георгиевич рассуждал дальше. А почему обязательно самоубийство? Может быть, убийство? Ни милиция, ни Рудковский эту версию не отработывали. Между тем не исключено, что Ветровы пали жертвою убийцы (или убийц). Причем мотивы преступления могли быть самые разные. Первое – ограбление.

Ветровы слыли обеспеченными людьми. На даче имелись ценные вещи, возможно, и деньги. Охотничье ружье всегда висело в комнате, где спали Александр Карпович и Надежда Федоровна. Проникнуть в их спальню – дело пустяковое. Возможно, преступник не знал, что на даче, помимо старших Ветровых, в ту ночь находились Борис и его невеста. И этим вызвано то, что ограбление сорвалось. Убив супругов и услышав в соседней комнате шум, злоумышленник бежал через окно. Отпечатки пальцев на подоконнике, а также другие следы никто не искал.

Убить Ветровых могли и не с целью ограбления. Например, из мести. Не исключено, что Александр Карпович обидел кого-нибудь из своих подчиненных. Уволил, например, работника с неважной записью в трудовой книжке, и тот решил расквитаться.

Все осложнялось и тем обстоятельством, что за десять дней до гибели Ветровых исчезла их дочь.

А не было ли здесь единого, хорошо продуманного умысла: сначала убрать Ларису, затем – ее родителей? Мог быть и такой вариант: человек, соблаздивший и убивший девочку, боялся, что ее родители что-нибудь припомнят или заподозрят, поэтому убил и их.

И еще. Не мог ли Александр Карпович сам убить свою дочь? Умышленно или по неосторожности. Труп спрятал. А раскаяние в содеянном довело его до убийства жены и самоубийства. Тогда становилось более понятным его странное поведение после исчезновения Ларисы. Правда, это поведение можно было объяснить и шизофренией.

Шизофрения... Гольст не мог понять, как человек столько лет скрывал свою болезнь, будучи начальником, а значит, на виду? Неужели никто не замечал – ни подчиненные, ни его руководство?

Словом, вопросов, требующих ответа, имелось немало. И предстояло ответить на них.

При первой встрече Гольст отметил, что у Бориса Ветрова интересная внешность. Продолговатое лицо, внимательные умные глаза с чуть припухшими веками под черными бровями с красивым изломом. Прямой нос, сжатые губы с ямочками в уголках, выдающийся вперед волевой подбородок. Лицо и вся его фигура выдают собранность и целеустремленность.

В начале допроса Гольст попросил Бориса рассказать об исчезновении сестры. Тот подробно изложил следователю события, происшедшие 21 августа на быстрицкой даче, поиски сестры и последующие действия милиции, родителей и его самого.

Так же подробен был рассказ Ветрова о гибели матери и отца. Гольст отметил про себя, что Борис хорошо владеет речью – говорит ясно и литературно грамотно и что это начитанный, интеллигентный молодой человек.

– Как относился к Ларисе ваш отец? – спросил следователь.

– Папа любил ее, – просто ответил Ветров. – Правда, она не всегда была послушна, особенно в последнее время. Но папа всегда прощал Ларису. Их ссору перед исчезновением можно считать недоразумением.

– Александр Карпович никогда не бил дочь?

– Что вы! – искренне удивился Борис. – Чтобы папа поднял руку на Ларочку! Он был строг, это верно. Мог наказать – не пустить в кино или к подружке. Но ударить – ни за что! Уж

если кто с ней дрался, так это я. – Ветров печально улыбнулся. – В детстве, конечно. Знаете, иной раз как допечет... Нашлепаю, а через пять минут уже сидим в обнимку. Она плачет, мне жалко ее, маленькая ведь. – Борис тяжело вздохнул. – Не знаю, что бы я отдал, только бы еще раз погладить ее по голове, обнять...

– Скажите, у вашего отца были враги? – задал вопрос Гольст.

Вероятно, этот вопрос был для Ветрова неожиданным.

– Враги? – переспросил он и после некоторого размышления ответил: – Не знаю... Не думаю...

– Может быть, кто-то завидовал ему или затаил обиду за что-нибудь? – уточнил следователь.

– По-моему, таких людей не было, – сказал Ветров. – Папа – честнейший человек. Трудяка. И если делал что-то для знакомых и даже малознакомых, то только хорошее. Все уважали его.

– А на работе? Среди подчиненных?

– Отец не очень любил делиться со мной тем, что происходило на фабрике. А вот поговорить о политике, любимых книгах, кинофильмах – всегда пожалуйста...

Гольст попросил вспомнить, не слышал ли Борис перед тем, как в спальне раздались роковые выстрелы, подозрительного шума.

– Я спал, – ответил Борис. – Проснулся только после первого выстрела.

– А когда вбежали в комнату, не заметили, правильно ли висела занавеска, было ли закрыто окно?

– Мне было не до этого, – признался Борис. – Помню только, когда я толкнул дверь в спальню, то увидел темные пятна на подушках отца и матери... Вокруг головы...

– Как вы сумели разглядеть это?

– Через окно падал свет от фонаря на улице.

На вопрос следователя, что, по мнению Бориса, толкнуло отца на убийство жены и самоубийство, тот ответил:

– Исчезновение Ларисы. Отец ходил сам не свой. Это очень сильно подействовало на его психику...

Фабрика школьных учебных пособий, которой руководил покойный Ветров, ютилась на окраине города. Когда Гольст увидел неказистое двухэтажное здание, построенное, наверное, еще в прошлом веке, с темными стенами из красного кирпича и узкими окнами, он усомнился, тот ли адрес ему дали. Но сомнений не оставляла вывеска, подтверждающая, что это действительно фабрика.

Потом уже, в разговоре с новым директором, следователь узнал, что раньше здесь были мастерские, которыми заведовал Александр Карпович. Всеми правдами и неправдами он постепенно превратил мастерские в то, чем теперь является это предприятие.

Директор вздыхал и охал, что ему досталось тяжелое наследство. Производственная база никуда не годится, не хватает квалифицированных кадров, материалы приходится выбивать с боем.

– Только Ветров мог тянуть эту лямку, – со вздохом сказал он. – А я не умею бить поклоны начальству. Мне претит ловчить, химичить... Дайте фонды, гарантируйте поставщиков – тогда я развернусь...

Директор знал Ветрова только понаслышке и мало что мог сообщить о покойном.

Поразмыслив, Гольст решил поговорить с председателем группы народного контроля. Тот работал в полуподвальном помещении. В здании витали запахи масляной краски, свежей извести, свежераспиленного дерева. И все это вперемешку со столярным клеем и ацетоном.

Проходя мимо одной из комнат, следователь увидел, что там трудятся маляры. Внизу, в цокольном этаже, стоял сырой холод.

– Саранцев, – представился Гольсту мужчина лет тридцати пяти, в синем халате, надетом поверх телогрейки. Это и был председатель группы народного контроля. Несмотря на холод, он всегда был весел.

– Слава богу, начали ремонт, – сообщил Саранцев следователю. – Новый крепко взялся за дело. И правильно. Перво-наперво надо создать людям условия на рабочих местах.

– Да, атмосфера у вас, прямо скажем, неуютная, – поежился следователь.

– Ничего! – оптимистично заявил Саранцев. – Это временно. Через неделю поднимемся наверх. Хоть и негоже плохо говорить о покойнике, но Ветров больше думал о том, как бы поуютнее оборудовать дачу в Быстрице, а не цеха...

– Приходилось воевать с ним? – спросил Гольст.

– Еще как! – вздохнул Саранцев. – Ладно, что теперь вспоминать. Нет человека...

– И все же я хотел бы поговорить именно о нем, – сказал следователь.

Они поднялись наверх, в пустую, только что отремонтированную комнату.

Поначалу Саранцев говорил неохотно, чего, мол, ворошить прошлое. Но постепенно разговор налачился. Председатель даже начал горячиться – слишком много, как оказалось, накопилось обид от прежнего директора. Выяснилось, что Ветров злоупотреблял служебным положением – дача практически построена из материалов, добытых якобы для ремонта фабрики. Окружил себя людьми, готовыми делать все, что он прикажет. Вместе делали «навар».

– Какой? – поинтересовался следователь.

– Сам-то Александр Карпович в огонь за каштанами не лез... Все норовил чужими руками... Например, каждый год посылал своего «мальчика» – так мы называли его прихлебателей – в командировку во Владивосток. На целых два месяца. За счет фабрики. И чем, вы думаете, занимался этот «мальчик» на берегу Тихого океана? – спросил Саранцев и сам же ответил: – Фотографировал. На пляже. Привозил выручку до пяти тысяч. Куш, конечно, делил пополам с Ветровым.

– Как вы узнали это?

– Узнали, – усмехнулся Саранцев. – Помимо проезда, командировочных, материал тоже был наш, фабричный. Фотобумага и прочее...

Вскрывала группа народного контроля и другие «художества» прежнего директора.

– Ну и что же вы предпринимали? – задал вопрос следователь.

– Ставился вопрос...

– Результаты были?

– А как же, – снова усмехнулся Саранцев. – Я получил выговор. У Ветрова была рука где надо...

«Честнейший человек», – вспомнил Гольст слова Бориса, сказанные об отце. Неужели близкие не знали, откуда дача, дорогие мебельные гарнитуры, деньги на «Волгу»? Или Александр Карпович, как Янус, имел два лица: на службе – одно, а дома – другое?

То, что у Ветрова были доходы помимо зарплаты, следователь заподозрил, когда выяснил, какой оклад у директора фабрики. На трудовые деньги он не мог построить такой коттедж, который красовался в Быстрице на участке Ветровых, кстати, самом большом в поселке. Какими же чарами окутал Александр Карпович местные власти, чтобы получить лишние сотки? Это тоже предстояло выяснить.

Гольст побеседовал еще с несколькими работниками фабрики. Самое удивительное заключалось в том, что почти все хвалили Ветрова. Однако в похвалах умершему директору слышался один мотив: сам умел жить и другим давал.

Например, когда не шел план, Александр Карпович знал, где можно надавить в верхах. Задание корректировали, и в результате коллектив получал премию.

Ветров покупал уважение и авторитет копеечкой, полученной обманом, очковтирательством. Короче говоря, ореол «честнейшего и уважаемого» постепенно исчезал.

Как только Гольст попытался выяснить, не замечали ли сослуживцы у покойного директора признаков психической болезни, все тарасили глаза: нормальный, жизнелюбивый человек и весьма себе на уме. Какая уж там шизофрения.

Врач из фабричного медпункта тоже была удивлена тем, что следователь интересуется психическим состоянием Ветрова. Единственное, с чем обращался он в медпункт раза два-три за все время своего директорствования, – с просьбой измерить давление, которое у него было чуть повышено. Это наблюдается иногда у многих в его возрасте – понервничал, вот и подскочило.

Откуда же диагноз, поставленный в Свердловской психиатрической больнице в 1943 году? Шизофрения – не насморк. Она не проходит. Тем более если не лечиться. Но Ветров не состоял на учете у психиатра и не лечился.

Все это насторожило следователя.

...Бобринские в Быстрице не были дачниками, они жили там постоянно и задолго до того, как поселок оброс дачами. Когда-то здесь разбросанно стояло лишь несколько скромных домиков.

Жилища старожилов резко отличались от появившихся позже коттеджей горожан, приезжающих отдыхать на лоно природы только в теплые месяцы. На зиму почти все дачи запирались.

Анастасия Петровна Бобринская не работала – из-за травмы ноги она имела инвалидность третьей группы и получала скромную пенсию. Муж «крутил» кино в клубе, то есть был киномехаником. Когда Ветровы отстроили дом в Быстрице, Анастасия Петровна подрядилась в летние месяцы убираться на их даче, а зимой приглядывать за ней.

Гольст решил побеседовать с Бобринской, надеясь, что она, как человек, часто бывавший в доме Ветровых, может сообщить интересующие следствие факты.

Анастасия Петровна заметно хромала. Была она несловоохотлива, так что пришлось потрудиться, чтобы разговорить ее.

– Александр Карпович был хозяйственный мужик, – сказала она о Ветрове. – Что хошь умел достать. Не то что мой лопух... Крышу уж давно менять надо, все железо проржавело... А Ветров покрыл дачу черепицей. Двести лет стоять будет. И красотища какая! Я девчонкой в Прибалтике была, так там домики – что твои игрушки. А почему? Черепица...

Дача Ветровых, которую следователь видел из окон дома Бобринских – напротив, через улицу, действительно выглядела очень солидно.

– Правда, Александр Карпыч цену копейке знал. Прижимистый был... У них в доме строгий порядок: что заслужил, то и получай.

– В каком смысле? – не понял Гольст.

– Приучал детей к строгости и труду. К примеру, надобно забор покрасить. Другой бы со стороны нанял. А Ветров говорит сыну: хошь, мол, заработать – вот тебе краска, вот кисть. Кончил красить – получай заработанное...

– Вы хотите сказать, что Борис выполнял дома работу за деньги? – уточнил следователь.

– Ну да, – подтвердила Бобринская. – Вскопал огород – денешки на стол. У их, как говорится, все было на хозрасчете. Тряпку просто так не выбросят. Но это уже жадность, я так мыслю. Особенно Надежда Федоровна отличалась. Мы даже раза два поцапались с ней.

– Из-за чего?

– Да ладно, – отмахнулась Анастасия Петровна. – Что уж вспоминать...

– И все же? – настаивал Гольст.

– Обидно, – с горечью проговорила Бобринская. – Я уж у их старалась, как говорится, не за страх, а за совесть. Драишь полы, стекла – чтоб ни пылинки... Думаете, с моей ногой это просто? Пришла я однажды к Надежде Федоровне за месячным расчетом. Дала она деньги. Смотрю, пятерки не хватает. Я этак культурно, вежливо говорю: «Вы, Надежда Федоровна,

наверное, обсчитались». А она: «Нет, мол, милая, все правильно. Забыла, что дала для твоей Фае Ларочкино платье?» Поверите, товарищ следователь, я чуть не села. Лариса из платья того выросла. Да и не просила я платье это. На что оно? Надежда Федоровна сама мне сунула. Ладно, думаю, пятеркой не озолочусь, нехай у Надежды Федоровны совесть заговорит... Правда, не сдержалась, пристыдила ее. Она отвечает: ежели не хочешь у нас работать, так и скажи. Ну, я и лягнула: да, не хочу! Поцапались мы и разошлись. Дня через три Александр Карпович пожаловал. Нечего, мол, дуться, приходи, как прежде. Я уж остыла. Помирились. Но пятерку она так и зажилила...

– Давно это было? – спросил следователь.

– Года два назад. А этим летом?.. Валялся около сарая Ветровых кирпич – половинки, четвертинки. Остатки. Борис вывез за ограду, за деньги опять же.

Мой, – так называла Бобринская мужа, – говорит Карпычу: сосед, можно взять кирпич? Нам аккурат надо было пристройку чинить. Ветров говорит: бери, коли надо. Ага. Перетаскали, починили пристройку. Потом дает мне Карпыч расчет за месяц. Гляжу: опять пятерки не хватает. Надежды Федоровны как раз не было, она цветы продавать поехала в город. Спрашиваю: где пятерка? Ветров говорит: кирпич брали? Брали. Я ему: так ведь бой, вам все равно не нужен. А он на полном серьезе: раз вам нужен, значит, платить надо. Не у нас, так в другом месте купили бы. И пошло-поехало... Целую лекцию мне прочитал, что каждая вещь свою цену имеет. Ну, плюнула я, повернулась и ушла. Мой, как узнал, тут же к Ветровым побег. Чуть не до драки дошло... Но куда ему с двоими? Борис за отца вступился. Я решила: все, ноги моей больше у них не будет. После той ссоры не ходила убирать.

– А это когда случилось?

– Да за неделю до пропажи Ларисы. – Бобринская вздохнула. – Вот сейчас все думаю: и чего мы так не бережем хорошее в жизни? Ну, поругались. Из-за чего? Из-за какой-то пятерки. А теперь их уж нет... Я их, конечно, не осуждаю сейчас. Плохо, что сынка воспитали по-своему...

– А Ларису?

– Ларочка была золото, – растроганно протянула Анастасия Петровна. – Ласковая, добрейшая душа. Дружила с моей Фаей. То пирожок принесет, то шоколадку. Всем делилась. Надежда Федоровна недовольна была, сколько раз отчитывала Ларису. Нет, говорит, в дом, так ты из дома... Может, Ларочка поэтому и убегла? – Анастасия Петровна жалобно посмотрела на следователя. – Сердечко хорошее было у девочки. Сколько раз она плакала вот тут. – Хозяйка показала на старенький диван.

Гольст попросил Бобринскую вспомнить о событиях в ночь на первое сентября. Та рассказала, как в половине четвертого к ним прибежала невеста Бориса с охотничьим ружьем и сообщила о трагедии в доме Ветровых.

– Я в первый раз пошла в ихний дом после ссоры. Борис ходит по дому в одних трусах и майке. А что было в спальне – ужас! – Анастасия Петровна передернула плечами. – Я месяц после этого спать не могла...

– Вы слышали выстрелы?

– А как же! Очень даже хорошо слышала.

– А не можете сказать, сколько времени прошло между первым и вторым выстрелами? Бобринская задумалась.

– Да как вам сказать... Быстро время прошло...

– Ну, сколько минут? Хотя бы приблизительно?

– Какие там минуты! Почти один за другим... Секунды три-четыре.

– Это вы точно помните? – переспросил Гольст.

– Не верите – можете у моего спросить. Он подтвердит. Зачем мне врать? – даже несколько обиделась Анастасия Петровна.

Допросив Бобринского, следователь получил тот же ответ: между первым и вторым выстрелами прошло не более четырех секунд.

– Ну и порядки были в семье Ветровых! – заметил следователь Сергей Михайлович Ворожищев, один из участников следственной группы, когда прочитал показания соседей. – Все оценивалось в рублях. А где же сердечность и доброта, о которой говорили все вокруг? Хлебосольево?

– Насчет доброты – это для посторонних. А хлебосольево... – Владимир Георгиевич усмехнулся. – Ветровы приглашали только нужных людей. Александр Карпович имел большой круг знакомых. Например, из стройтреста – чтобы доставать стройматериалы. Начальника телефонного узла – чтобы городской телефон провести на дачу. Замначальника горторга – дефицит... Все как на подбор номенклатурные работники. За столом у Ветровых рекой текли коньяк, марочные вина. Само собой разумеется, икра и другие деликатесы...

– Ну, тогда понятно. И все же странно, человек с таким размахом, а мелочился. За какое-то старое детское платьице удержал у домработницы пятерку. А история с кирпичом – просто курам на смех.

– Это что! – сказал Гольст. – В прошлом году скандал был. Пришли проверять показания электросчетчика. Дома была одна Лариса. Контролер заподозрил что-то неладное: огромный дом, разные электроприборы, даже электрическая пила, а расход энергии – на копейки. И обнаружилось приспособление для кражи электричества. Ветрову удалось замаять дело через знакомых.

– Несолидно. Значит, скупердяй, да еще нечестный, – подытожил Ворожищев. – Хорошенький пример для детей. Вот так и вырастают хапуги да стяжатели.

Разговор зашел о ночи с 31 августа на 1 сентября.

– Мне не дают покоя показания Бобринских о выстрелах, – сказал Гольст. – Если они не ошибаются, версия о самоубийстве Ветрова и убийстве им жены представляется более чем сомнительной.

– Да, – кивнул Сергей Михайлович, – три-четыре секунды... Успеть в такой короткий срок убить жену, потом лечь в постель и выстрелить в себя – вряд ли возможно.

Владимир Георгиевич пожал плечами.

– Вообще-то оценка времени субъективна. Зависит от состояния человека. В иных ситуациях и мгновение кажется долгим.

– Надо уточнить у кого-нибудь еще. Рядом с Ветровыми находится дача неких Цыплаковых. Борис говорит, что они прибежали к ним почти одновременно с Бобринскими. Они не спали всю ночь, сидели у постели тяжелобольного. Значит, тоже слышали выстрелы. Их сейчас нет в городе, отдыхают в Кисловодске. Скоро должны вернуться. Тогда и допросим. Не забывайте, что муж и жена Бобринские одинаково определили интервал между выстрелами.

– Владимир Георгиевич, – задумчиво произнес Ворожищев, – если предположить убийство... Не мог это сделать Бобринский? Вы же сами говорите, что он едва не подрался с Ветровым из-за той пятерки, которую Александр Карпович вычел из денег домработницы.

– Не едва, а подрался, – уточнил Гольст. – Их разняли и успокоили Цыплаковы.

– Вот видите. Помимо обиды, тут могла быть еще и зависть. Для Бобринского Ветровы кто? Барчуки. Заносчивые и к тому же нахальные.

– Обидели мужика крепко, это верно, – согласился Гольст.

– Что представляет собой Бобринский?

– Несдержанный, вспыльчивый. Его в Быстрице побаиваются. Но чтобы пойти на убийство... – Владимир Георгиевич покачал головой. – На меня он произвел неплохое впечатление. Прямой, справедливый, рассуждает трезво.

– А может, довели его эти Ветровы?

– Будем проверять, – сказал Гольст.

Допрос тетки Надежды Федоровны, бабы Мани, как называли ее в семье Ветровых, провел следователь Ворожищев.

Мария Ивановна была крепкой старухой. Простое крестьянское лицо, круглые щеки с мелкими розовыми прожилками, мягкий деревенский говор.

Чувствовалось, что Мария Ивановна недолюбливала супруга своей племянницы.

– Бог ему судья, – сказала она об Александре Карповиче. – Но хочу заметить: до него Надя была другая. Это уж при Александре стала такой жадной.

У Ветрова ведь раньше была другая жена. Развелись сразу после войны. Я слышала, она сама ушла. Допек муженек своей скарденостью. А Надежда пошла за Александром – как в омут кинулась.

Еще бы, мужиков вокруг мало, погибли на войне... Ветров был с положением, солидный. Сошлись они в сорок пятом, а через год Боря родился. Живут год, другой, третий, а все не расписываются. Я как-то спросила у Нади, почему не оформляете брак по закону? Не боишься, что он бросит тебя с сыном – и поминай как звали? Она отвечает: нет, не бросит. А не регистрируемся, потому что мне пособие платят как матери-одиночке. Это ее Александр подучил.

Уж я срамила Надежду, так срамила. Не стыдно, мол, перед людьми? Да и не гоже государство обманывать. Может, кому-то это пособие действительно нужно позарез, а с их доходами... Она говорит: как муж скажет, так и будет. Зарегистрировались аж в пятьдесят первом году! Ветрову смотреть на белый свет деньги глаза застили! Надя – солидный человек, заведующая детским садом, а до последнего времени цветы продавала, клубнику. Сама! – Старушка покачала головой. – Или я чего-то не понимаю, или свет перевернулся. Не знаю...

– Как Александр Карпович относился к своим детям? – спросил следователь.

– Борьку в свою веру обратил. Деловой... Не чихнет за просто так. Отец сызмальства приучил: получит в школе четверку – деньги на мороженое, пятерку – на кино. В институт поступил – на тебе пятьсот рублей.

– За что? – удивился Ворожищев.

– Ну, потрудился, мол, заработал.

– Так ведь институт сыну нужен, а не отцу.

– Вот и я говорила: кого растите? – Она сделала ударение на первый слог, отчего слово прозвучало как-то значительнее. – Он же сам потом, когда в старости будет ухаживать за вами, плату потребует...

– Это вы Александру Карповичу говорили?

– Наде. Она только молчит... Да и что с нее взять – на мужа, как на икону, молится. – Баба Маня вздохнула. – Что вы хотите, сыну шестой годок шел, а ему бочонок подарили, чтобы деньги копил. Вот и вырос такой же, как папаша...

– А Лариса?

Мария Ивановна расплакалась. Внучатую племянницу она любила. Единственную из всех Ветровых. За ее приветливый нрав, доброту и бескорыстие.

– Поверите, – сказала старушка, – своих детей так не любила, как Ларочку...

Ворожищев поинтересовался, известно ли Марии Ивановне о психической болезни Ветрова-старшего.

– В первый раз слышу! – удивилась старушка. – По-моему, был отменного здоровья мужчина...

– А его брат, Иван Карпович?

– А что брат? – в свою очередь спросила баба Маня.

– Он ведь, говорят, покончил с собой. На почве шизофрении.

– С чего это взяли? Тоже был нормальный. На охоте погиб. Любил того, – она шелкнула себя по воротнику, – вот под этим делом нечаянно и выстрелил в себя. Ружье чистил вроде бы или еще что произошло... Факт только, что по неосторожности это вышло. Вот до чего вино доводит. – Она осуждающе покачала головой.

Проверкой было установлено: действительно, родной брат Ветрова, Иван Карпович, погиб в результате несчастного случая. Ни шизофренией, ни другими психическими заболеваниями он не страдал.

Беседы со знакомыми Александра Карповича также доказывали: никто даже не подозревал, что у бывшего директора фабрики была шизофрения.

Все это казалось более чем подозрительным. Гольст еще сильнее усомнился в болезни Ветрова, когда ознакомился из личного дела с автобиографией Александра Карповича. Из нее вытекало, что А.К. Ветров находился на фронте и после контузии был уволен в запас.

Тогда при чем тут Свердловск, психиатрическая больница? Откуда появилась выписка из истории болезни? Тут явное противоречие. Если его, контуженного, уволили в запас, зачем надо было освобождать от военной службы во второй раз уже из-за шизофрении?

Чтобы разобраться в этом, Гольст сделал запрос в военно-медицинский архив. Ответ пришел буквально на третий день. И что же выяснилось. А.К. Ветров был призван в ноябре 1942 года в армию Бийским городским военным комиссариатом и прослужил четыре месяца в запасном полку в городе Камышове. В 1943 году он был направлен в Свердловскую психиатрическую больницу. Там его признали больным шизофренией и уволили из армии по состоянию здоровья.

– Значит, сведения, сообщаемые в автобиографии, – ложь, – констатировал Ворожищев.

– Ну да! Фронтовик, контуженный – такое вызывает уважение. Но это далеко не первая и не последняя ложь Ветрова. Трудовой стаж, по документам, начинается у него якобы с 1924 года, то есть с пятнадцати лет. И вот я думаю: не организовал ли Александр Карпович себе шизофрению сам?

– Чтобы избежать отправки на фронт?

– Вот именно.

– Но ведь выписка из истории болезни подлинная, – сказал Ворожищев.

– А болезнь могла быть мнимая. Симуляция. Как видно, Ветров никогда не стеснялся в выборе средств. Обманы и подлоги – это стиль его жизни.

Чтобы выяснить, болел Ветров шизофренией или нет, Гольст вынес постановление о назначении посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Следственная группа, возглавляемая В.Г. Гольстом, работала в тесном взаимодействии с уголовным розыском. Непосредственное участие в расследовании принимал капитан Леонид Витальевич Самойлов, опытнейший работник городского управления внутренних дел. С Владимиром Георгиевичем они встречались чуть ли не ежедневно.

Как уже говорилось, Гольст не исключал возможности, что к исчезновению Ларисы Ветровой и гибели ее родителей мог быть причастен один и тот же человек. Разыскное дело Ларисы было затребовано из Быстрицкого отделения милиции. Владимир Георгиевич попросил Самойлова обратить особое внимание на тот факт, что девочку незадолго до исчезновения видели якобы с незнакомым мужчиной.

Снова были допрошены соседи Ветровых по даче. Где, когда видели Ларису с тем человеком? Как он выглядел? Из местных ли? Капитан тщательно изучил картотеку лиц, состоящих на учете в районной милиции.

Когда следователь поинтересовался у Самойлова результатами, тот ответил:

– По существу, Владимир Георгиевич, никаких определенных примет о том мужчине никто сообщить не может. Более того, я так и не нашел ни одного человека, который бы лично видел Ларису с ним. Короче, тетя Маша слыхала, что бабка Дарья видала...

- Считаете, сплетни?
- Похоже.
- И все же надо искать возможного соблазнителя.
- Разумеется, – кивнул Самойлов. – Но... – Он улыбнулся. – У кого это из писателей: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно...
  - Если кошки там нет, – тоже с улыбкой закончил Гольст. – Однако, как говорится, дыма без огня не бывает. Лариса, судя по показаниям знакомых, была не по годам развита, с мальчишками заигрывала.
  - Уж кто действительно не по годам вел себя с представителями противоположного пола, так это ее старший брат, – заметил капитан.
  - Борис?
  - А кто же еще. Родители, мне кажется, закрывали глаза на то, что их сын слишком рано узнал женщин.
  - Есть факты?
  - Судя по тому, что говорят соседи и знакомые... Когда родители и сестра бывали на даче, Борис приводил девушек на городскую квартиру. А когда пустовала дача – заявлялся с компанией туда. Причем женщины каждый раз были разные. Некоторые значительно старше самого Бориса.
  - А может, родители об этом ничего не знали? – высказал предположение следователь.
  - Трудно поверить, – ответил инспектор уголовного розыска. – Я понимаю, парень он привлекательный...
  - Интересный, – согласился Гольст.
  - Но ведь родители должны были как-то сдерживать его. Воспитывать, что ли, цельность, высокие нравственные качества. – Увидев, что следователь задумался, капитан спросил: – Появилась какая-то идея?
  - Очередная. Я вот что думаю: а не замешана ли тут ревность? Точнее, месть на почве ревности?
  - Возможно. Или месть за попорченную честь сестры, дочери...
  - Вот-вот, – подтвердил Гольст. – Поработайте в этом направлении.
  - Хорошо, – кивнул Самойлов.
- Через несколько дней капитан сообщил Гольсту, что в прошлом году у Бориса Ветрова была какая-то неприятность, связанная с одной девушкой – Мариной Зубовой. А этой весной вернулся из армии брат Марины – Виктор и якобы обещал рассчитаться с Борисом. Более того, Виктора Зубова вроде бы видели в Быстрице незадолго до трагических событий на даче Ветровых.
  - Гольст решил побеседовать с девушкой.
  - Марине только-только исполнилось девятнадцать лет. Она очень смушалась.
  - Тактично, без нажима, Владимир Георгиевич все же сумел добиться от нее показаний.
  - В прошлом году я лежала в городской больнице... – начала рассказывать Зубова.
  - А что у вас было?
  - Ревмокардит. Там красивый двор, как парк. Гулять можно. Сажу я как-то вечером на скамеечке, смотрю, идет Боря Ветров. В белом халате...
  - Вы были знакомы раньше?
  - Ну да! Я знала, что Боря учится в медицинском. Он подошел ко мне, поздоровался, поинтересовался, что со мной. Я сказала, что лежу в четвертом отделении. А он в это время был на практике, и как раз в ту ночь у него было дежурство. Боря спросил, в какой я палате. Когда поужинали и легли спать, он пришел. Говорит – пойдем, послушаем музыку, а то, мол, здесь скучища.
  - Я пошла. А что? Действительно, в больнице от тоски не знаешь, куда деваться.

Он повел меня на другой этаж. Зашли в какую-то комнату. Там были только столик и лежанка, обитая дерматином, ну, как в больницах бывает. В комнате находился еще один врач, вернее, практикант, как я потом поняла...

– Кто такой?

– По-моему, они с Борисом учатся вместе.

– Его имя, фамилия?

– Борис называл его фамилию... Полонский!

– А имя?

– Не помню. Еще там была медсестра Таня. На столе – две бутылки вина, бутерброды с колбасой. Я спрашиваю: где магнитофон? Полонский смеется: еще, мол, не купили. И предлагает мне выпить. Я стала отказываться, потому что врачи категорически запретили мне пить спиртное. А Борис на полном серьезе заявил, что все это ерунда и никакой болезни у меня нет, просто издержка переходного возраста. В общем, уговорили выпить...

– Вы пили? – уточнил следователь.

– Все пили... Потом поиграли немного в карты. Ну, еще выпили... Я опьянела... Полонский и Таня куда-то ушли... Борис опять заставил меня выпить, произнес тост за мое выздоровление... Потом стал целовать меня... А дальше я не помню...

– Еще пили?

– Кажется. В общем, когда я проснулась, то свет не горел и в комнате никого не было. Я одна и... и... ну, в общем, совсем без ничего... Без одежды...

Зубова замолчала, опустив голову.

– А где был Ветров? – осторожно спросил Гольст.

– Не знаю. Мне было очень плохо... И голова, и все тело болели... Страшно стало: вдруг узнают?

– О чем?

– Ну... – Зубова замялась. – Борис имел со мной близость...

Из дальнейших ее показаний выяснилось, что о ночной попойке в больнице стало известно главврачу. Поднялся шум. Борису грозили большие неприятности в институте, но как будто отцу удалось замять скандал. Пострадали Таня (она ушла с работы «по собственному желанию») и Марина, которую тут же выписали.

– Ну что ж, – сказал Гольст, обсуждая эту историю с Самойловым, – основания для мести у Виктора Зубова имелись серьезные.

– Правда, погибли родители, а не Борис, – заметил капитан.

– А до этого – исчезла Лариса. Может, око за око, зуб за зуб? Надо проверить, какие у Виктора друзья, где он был в день пропажи девочки и в ночь, когда погибли Ветровы-старшие.

– Проверим, – кивнул Самойлов.

– Было бы интересно также узнать, не случались ли у Бориса Ветрова и другие неприятности, подобные этой.

Сергей Михайлович Ворожищев еще раз допросил кое-кого из родственников Ветровых.

– Наша версия о том, что тут убийство, кажется, еще больше подтверждается. Косвенно пока, – сказал он, делясь с Гольстом своими впечатлениями.

– Выкладывайте подробнее, Сергей Михайлович, – попросил Гольст.

– Интересные сведения сообщила сестра Ветрова-старшего Ангелина Карповна. Она была очень близка с братом. Говорит, что поражалась самообладанию Александра Карповича. В те дни, когда пропала дочка, он лучше всех держался в семье. Переживал, конечно, но духом не падал. Искал мастеров для камина...

– Что-что? – не понял Гольст.

– Хотел сделать на даче камин. Представляете?

– Да уж... – Владимир Георгиевич задумчиво чертил на бумаге замысловатые узоры. – Исчезла дочь, а ему – камин...

– Вы слушайте дальше, – продолжал Ворожищев. – В день своего шестидесятилетия, буквально за три дня до смерти, Ветров принимал гостей, пил вино...

– Может, хотел забыться немного, отвлечься от тяжелых дум?

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Ворожищев. – Все может быть... Но при этом он, опять же, поделился кое-какими планами с сестрой... Повел ее на участок, показал, где собирается строить финскую баню...

– Сауну, – уточнил Гольст.

– Точно, – кивнул Ворожищев. – Говорит: будешь, сестра, приезжать париться. Радикулит твой, мол, как рукой снимет. Выходит, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, если вел такие разговоры. Человек жить хотел! И жить красиво! И вдруг... Стреляет в жену, а потом в себя...

– Противоречие, конечно, явное, – согласился Владимир Георгиевич. – Но я вот чего понять не могу: одни свидетели твердят, что он потерял голову от горя, прямо-таки зациклился на этом. А родная сестра... Что-то здесь не то. Где правда? На людях, выходит, одно, а с Ангелиной Карповной – другое. Зачем?

– В том-то и дело, Владимир Георгиевич... Может, Лариса действительно убита отцом? И его отчаяние – симуляция? А Надежду Федоровну и Александра Карповича убил кто-то другой...

– Вот и еще одна версия, – вздохнул Гольст. – Чем больше я думаю о Ветровых, тем тверже убеждаюсь: как все-таки поверхностно судят окружающие о людях. Внешняя сторона, так сказать, фасад иной раз совершенно не соответствует сути.

– Это точно, – согласился Ворожищев. – Например, Надежда Федоровна распиналась перед знакомыми, соседями и сослуживцами, какие у нее замечательные дети! Прямо-таки лучше на свете не сыскать. А сама признавалась матери: Борис растет черствым, неблагодарным. Эгоист. Да и с Ларисой не могла найти общего языка. Жаловалась: еще совсем, мол, соплячка, а мать ни в грош не ставит...

– Надежда Федоровна не говорила с родственниками насчет амурных походов Бориса?

– Говорила... Пыталась якобы повлиять на сына, образумить. Но Борис категорически заявил: он уже взрослый и воспитывать его поздно... Между прочим, Ветрова считала, что цинизм Бориса – от ранней связи с женщинами.

– Цинизм? Так и выразилась? – переспросил Гольст.

– Да, Надежда Федоровна произнесла именно это слово. Еще удивлялась, почему Борис так меркантилен. Точнее, она называла его крохобором.

– Уж ей-то не знать, откуда весь этот набор, – усмехнулся Владимир Георгиевич. – Плоды воспитания родителей. Горькие плоды. – Он помолчал. – Ну ладно, давайте вернемся к вопросу: убийство ли это? Вопрос наиглавнейший. Жаль, конечно, упущено много времени. Но кое-что все же у нас есть...

И Гольст, и Ворожищев отлично понимали, какая это была помеха для следствия – упущенное время. Тускнеют отдельные факты, исчезают вещественные доказательства, в памяти свидетелей стираются или искажаются детали происшествия.

Повторный осмотр дачи ничего не дал. Комната, в которой погибли Александр Карпович и Надежда Федоровна, не раз уже была прибрана, вымыта, и какие-либо следы, которые как-то помогли бы следствию, отыскать было чрезвычайно трудно. Но оставался протокол осмотра места происшествия и фотоснимки, сделанные оперативной группой, прибывшей в Быстрину

утром первого сентября. Они и явились объектом тщательного изучения. Следователи возвращались к ним еще и еще раз.

– Я вот думаю, – заметил Гольст, просматривая листы дела с фотографиями погибших, – мог ли человек остаться в такой позе после выстрела в себя?

– Мне самому не дают покоя снимки, – признался Ворожищев, разглядывая страшные документы, запечатлевшие трагедию. – Что-то здесь не вяжется с самоубийством.

– Смотрите, лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела. – Гольст листом бумаги прикрыл на фотографии голову погибшего. – Полная расслабленность, спокойствие. Словно спит человек. Если бы он стрелял в себя сам, то наверняка после отдачи ружья руки у него были бы откинута в стороны, туловище несколько развернуто, что ли... В общем, тело лежало бы по-другому.

– Может, положение трупа изменили? – высказал предположение Ворожищев.

– Все свидетели, начиная от Бориса и Ольги и кончая соседями, которые прибежали на выстрелы, говорят, что никто ничего не трогал.

– А убийца не мог?

– Зачем? – в свою очередь спросил Гольст.

– Ну, чтобы инсценировать самоубийство...

– Но откуда убийце знать, как должен лежать самоубийца. Это во-первых. Во-вторых, в комнате было темно. Вернее, она чуть освещалась фонарем с улицы. В-третьих, Ветров был укрыт одеялом.

Гольст нашел в деле нужное место – показания Бориса. По его словам, когда он вбежал в комнату, то стащил с отца одеяло, пытаясь разглядеть ранения. Ружье при этом упало на пол.

– Опять же, ружье, – развивал мысль Гольст. – Могло оно остаться на кровати, если бы Александр Карпович стрелял в себя сам?

– Хотите сказать, что в силу отдачи оно должно было упасть на пол? – уточнил Ворожищев.

– Скорее всего. Хотя утверждать это категорически трудно. Надо, по-моему, выслушать мнение баллистов.

– Несомненно, – согласился Ворожищев. – Не понимаю, почему этого не сделал следователь, который первым вел дело.

– Мы должны точно знать, – продолжал Гольст, – под каким углом был произведен выстрел в Ветрова и где должно было оказаться ружье в результате отдачи.

– Да, да, баллистическая экспертиза необходима, – заключил Ворожищев. – Это поможет прояснить ситуацию.

Проведение посмертной психиатрической экспертизы – дело весьма хлопотное и трудное. Психическое заболевание не оставляет явных следов на теле, подобных шрамам, рубцам, изменениям внутренних органов. Если умерший не состоял при жизни на учете в психиатрической больнице, то очень непросто установить, нормальный он был или нет. Для этого требуется выяснить, как он вел себя в кругу родных, знакомых, сослуживцев. А это значит – опросить множество людей.

Но и тогда истину установить сложно: сколько людей, столько и мнений.

Александр Карпович Ветров на учете у психиатров не состоял. Единственный раз его признали больным шизофренией в далеком 1943 году. Но чем с большим числом родственников, друзей и сослуживцев погибшего беседовали следователи, тем сильнее укреплялись во мнении, что у Ветрова была вполне нормальная психика. Так почему же в 1943 году его признали шизофреником? Врачебная ошибка? Симуляция?

Инспектору уголовного розыска капитану Самойлову удалось разыскать одного человека, знавшего Ветрова со времен войны. Это был Чичков, пенсионер и инвалид. Он служил вместе с Александром Карповичем в запасном полку. Чичков, в отличие от Ветрова, попал в действу-

ющую армию, воевал, был ранен. Встретился со своими однополчанами в конце пятидесятых годов, когда Ветров уже ходил в начальниках.

Жилось Чичкову нелегко: часто болел из-за ранения. Он попросил Александра Карповича помочь ему в устройстве на подходящую работу. Тот пообещал и отделялся обещаниями несколько месяцев, так ничего для старого знакомого и не сделал...

– Как же это? – удивился капитан. – А воинская дружба?

– Нашли вояку, – горько усмехнулся Чичков. – Ветров только и мечтал о том, как бы застрять в тылу. Помню, случай у нас был на учениях. Одному пареньку из нашего взвода оторвало три пальца на правой руке. Патрон взорвался. Комиссовали, естественно. Ветров признался мне тайком, что завидует ему. Я говорю: вот дурья башка, чему завидуешь? Он засмеялся: для настоящего мужчины главное – голова. А что, мол, если руки будут целы, а башку оторвет.

Почему Ветрова освободили от службы в армии, Чичков не знал.

Капитан Самойлов рассказал об этой беседе следователю Гольсту.

– Выходит, Ветров мечтал, чтобы его комиссовали, – прокомментировал свой рассказ Самойлов. – И нашел себе вполне подходящую болезнь: и голова, и руки целы остались.

– Как же врачи его не разоблачили? – покачал головой следователь. – Ведь в те времена были очень большие строгости.

– А может, подкупил кого. Тогда тоже продажные шкуры встречались. В общем, Ветров-старший – тот еще патриот! – Самойлов махнул рукой. – Интересно, что говорила ему совесть, когда он после войны каждый год 9 Мая принимал поздравления и подарки?

– Она, вероятно, шептала так тихо, что он ничего не слышал, – усмехнулся Владимир Георгиевич. – Ну что ж, для нас из всего этого важно сделать вывод: болел Ветров шизофренией или нет, мог покончить с собой на этой почве или не мог?

– По-моему, это такое же самоубийство, как и его шизофрения, – заметил капитан.

– Теперь о другом, Леонид Витальевич. О знакомых Ветрова-младшего. Вернее, о его бывших любовницах...

– Этот выкидывал фортели, – сказал Самойлов. – Есть у Бориса дружок, некто Полонский...

– Который был замешан в истории с Мариной Зубовой?

– Да. Знаете, Владимир Георгиевич, прямо противно рассказывать, – брезгливо поморщился капитан. – Обменивались девицами...

– В каком смысле?

– В прямом. Погуляет Ветров с какой-нибудь месяц-другой и передаст Полонскому. Тот тоже в долгу не остается.

– Значит, те девицы сами испорченные.

– Не все. Некоторые порывали отношения с такими кавалерами.

– Есть обиженные на Ветрова?

– Есть. Особенно некая Изольда Романова. Подробности пока установить не удалось.

– История с ней была до женитьбы Ветрова?

– Да. В начале этого года.

– Значит, до... – задумчиво произнес Гольст. – Интересно, сейчас он остепенился?

– Да вроде бы.

– Кстати, о женитьбе, – продолжал следователь. – Странно. Все прочили Борису богатую невесту с высокопоставленными родителями. И недостатка в таких невестах, кажется, не было. Но почему-то Ветров выбрал Ольгу Каменеву. Скромная девушка, из простой семьи... Может, не такой уж он испорченный? А все его былые похождения – грешки молодости?

– Да, выбор Ольги – непонятная штука... Знаете, Владимир Георгиевич, если хотите лучше разобраться в Ветрове, поговорите с Олегом Турковым. Это, насколько мне известно, самый близкий его друг.

– А кто такой этот Турков? – поинтересовался Гольст.

– Учился с Ветровым на одном курсе. Часто бывает у него дома. В институте его называют «тенью Ветрова». Говорят, он буквально боготворит Ветрова. И вообще якобы их водой не разольешь.

– Понятно. Значит, вы думаете, он знает сердечные тайны своего друга?

– А как же! Если они так близки... Наверняка в курсе, с какими женщинами бывал Ветров, какие у него случались неприятности из-за них.

– Что ж, возможно, – согласился следователь. – Попробую поговорить с Турковым. Но захочет ли он посвящать нас в секреты Бориса?

Капитан пожал плечами:

– Попытаться все же стоит...

Гольст встретился с Турковым в студенческом общежитии. Это был высокий, слегка сутулый молодой человек со светло-голубыми глазами, которые он все время щурил, глядя на собеседника, видимо по причине близорукости, но очков при следователе не надевал.

Сначала Владимир Георгиевич спросил его, как давно он знает Бориса Ветрова, что их сблизило. Выяснилось, что до института они знакомы не были, дружба их возникла на втором курсе, когда оба записались в студенческое научное общество.

– Борис – это голова! – не скрывал своего восхищения Турков. – Его ждет большое будущее.

– Почему вы так считаете? – спросил Гольст.

– Мы, простые смертные, что называется, грызем гранит науки. А он все схватывает на лету.

– Круглый отличник?

– Круглыми отличниками бывают только зубрилы, – ответил Олег, – которые берут, извините, седалищем. А Борис – вот этим. – Турков постучал себя кулаком по лбу. – Да если бы он захотел иметь одни пятерки, это ему ничего не стоило бы. У нас многие закончили институт с «красными дипломами». Вон сколько портретов висит в вестибюле. А кто из них стал знаменитым? – патетически спросил Олег и сам же ответил: – Что-то ни о ком не слышно... А о Борисе еще узнают, даю голову на отсечение. – Он вдруг замолчал и долго смотрел на Гольста прищуренными глазами. – Не верите? Думаете, преувеличиваю?

– Почему же, – спокойно сказал следователь. – Все может быть. Что, Борис мечтает стать большим ученым?

– Он имеет на то все основания, – безапелляционно произнес Турков. – Уверен, так оно и будет! Борис никогда не смирится с прозябанием где-нибудь в поликлинике или заштатной больнице. Планы у него – ого-го! Правда... – Олег вздохнул, – не все понимают, какого это полета человек.

– Кто именно не понимает? – осторожно спросил Гольст.

– Да хотя бы в деканате... Это надо же было додуматься: Ветрова, представляете, Ветрова посылать на практику куда-то к черту на кулички! Да его надо в научный институт!

– Насколько я знаю, его оставили практиковаться в области, – заметил следователь.

– Это потому, что у него в семье несчастье. А то заслали бы точно. Ладно, он еще докажет.

– Что?

– Какой у него талантище.

– По-моему, талант может проявиться везде, – сказал Гольст. – Это не зависит от того, где работает человек – в обычной поликлинике или же в самом лучшем научно-исследовательском институте.

– Конечно, – вяло согласился Турков. – Для таких людей, как Ветров, не имеет значения место прохождения практики или работы после распределения. Борис добьется своего при любых условиях. Он ни перед чем не остановится. Но зачем создавать лишние трудности? Для чего гению растрчивать свой ум и энергию на пустяки?

«Вот тебе и „тень Ветрова“! – подумал Гольст. – Интересно, он высказывает свои мысли или же мысли самого Ветрова?»

А Олег продолжал:

– Обидно видеть, какие люди окружают Бориса, как ведут себя...

– Что вы имеете в виду? – спросил следователь.

– В каком он положении сейчас! Такое горе навалилось... Как он только держится, не представляю. А тут родственнички...

– Какие?

– Обыкновенные. Дяди, тети... Пользуясь случаем, тащат из дома вещи родителей и Бориса, даже заявляют права на дачу...

– Это говорил вам сам Ветров?

– Да нет, я видел. Одна тетя унесла шубу Надежды Федоровны, другая – туфли Александра Карповича, третья – фарфоровую вазу... А ведь Борису очень трудно материально. На стипендию далеко не уедешь. Да еще молодая жена... Иной раз не хватает на еду. Борис вынужден сдавать вещи в комиссионку.

– Свои?

– Да нет. Кое-что из уцелевшей одежды родителей. Я сам ему помогал.

– А что вы можете сказать о жене Бориса?

– Об Оле? Как жена – хорошая. Любит Бориса. Но... – Он замялся.

– Что «но»?

– Понимаете, как бы вам объяснить... Между нами, конечно... Честно говоря, я был удивлен, когда Борис на ней женился. Мне кажется, она ему не пара.

– В каком смысле?

– Не понимает, какой человек с ней рядом. Не тот у нее уровень... Возможно, Борис женился на ней с отчаяния. Просто, когда случилось горе, она оказалась рядом, а ему надо было на кого-то опереться... Боюсь, он разочаруется. И скоро.

– Есть признаки?

Турков несколько смешался и, внимательно разглядывая свои руки, ответил:

– Мне так кажется, – но тут же спохватился: – Это, разумеется, мои личные ощущения. В любом случае, будут они жить вместе или нет, Ольге надо поставить памятник при жизни лишь за то, что в самое тяжелое время она была с ним.

– А до Каменевой у Ветрова были девушки?

– Конечно, были. И какие! – воскликнул Турков. – Взять хотя бы Алису Макарову... Вам эта фамилия ничего не говорит?

– Нет, а что?

– Как же, Макаров – известный врач в Москве, член-корреспондент Академии медицинских наук.

– К сожалению, не слышал... Скажите, между Макаровой и Ветровым были серьезные отношения?

– Чуть не поженились. Это было летом. Борис ездил в Москву. Думали, вернется с невестой, то есть с Алисой. Или останется в столице. Но что там произошло, я до сих пор не знаю...

Из Москвы он приехал один в середине августа. А вскоре пропала его сестра. А еще через десять дней, как вы знаете, – страшная гибель родителей...

Турков замолчал.

Гольст поинтересовался насчет других девушек, которыми увлекался Ветров. Турков назвал дочь заведующего кафедрой в их институте. На ней Борис тоже как будто хотел жениться, но быстро охладел. Как понял Гольст, видимо, потому, что появилась Алиса Макарова.

Что же касается женщин, относительно которых Ветров не имел серьезных намерений, но с которыми проводил веселые ночи на даче в Быстрице и в городской квартире (разумеется, в отсутствие родителей), о них Турков ничего сказать не мог. Или действительно не знал эту сторону жизни своего друга, или не хотел его компрометировать. Во всяком случае, Олег уверял, что не принимал участия в похождениях Бориса.

Закончив допрос, Гольст предупредил Туркова, чтобы содержание состоявшегося между ними разговора не разглашалось. Олег твердо пообещал молчать.

– Вполне возможно, что Турков действительно не в курсе амурных походов Ветрова, – сказал капитан Самойлов, обсуждая с Гольстом допрос Олега. – Бывает... Борис держит его возле себя, так сказать, для души. Чтобы тот пел ему дифирамбы. А с женщинами он развлекается на пару с Полонским. Этот более подходит для такой роли.

– Возможно, – согласился следователь. – Вы узнали что-нибудь относительно Виктора Зубова, брата Марины?

– Узнал, Владимир Георгиевич. У него алиби. С пятнадцатого августа по восьмое сентября он был в доме отдыха под Одессой.

– Может, попросил отомстить за сестру кого-нибудь из дружков?

– Таких дружков у Зубова нет. Он не водится с сомнительными типами.

– Ну что ж, эта версия отпадает. Посмотрим, что даст встреча с Изольдой Романовой. Пока все не могу с ней встретиться: болеет. – Гольст заметил, что капитан слушает его рассеянно, и поинтересовался: – Вы еще что-то хотите сообщить?

– Думаю... Странно получается. Турков говорит, что Ветров бедствует, на еду не хватает. А Бориса в последнее время несколько раз видели в ресторане «Метрополь». В частности, позавчера. А ведь это один из самых дорогих ресторанов в городе.

– Да? – удивился следователь. – Может, его приглашают?

– Не его, а он. Сорит деньгами, словно купец. Заказывает икру, коньяк, шампанское...

– Откуда же у него деньги?

– Насчет комиссионки Турков сказал не всю правду. Борис перетаскал туда не кое-что, а всю одежду, которая осталась от родителей, вплоть до нижнего белья. Более того, продал весь хрусталь, ковры и даже кое-что из мебели.

– Кутит в «Метрополе» с женой? – спросил Гольст.

– Нет, она сидит дома. Он бывает там в основном с преподавателями из своего института. В частности, с неким Кирсановым. Это, говорят, правая рука ректора.

– Ну и порядки в их институте! – покачал головой следователь. – Пить в ресторане со студентами! Борис ничего, как известно, не делает просто так. Но они...

– Да, – кивнул капитан. – Ветров явно чего-то хочет.

– Это самое «что-то» разгадать, по-моему, нетрудно. На носу распределение. Метит попасть в аспирантуру или же получить теплое местечко в городе.

– Точно, – подхватил Самойлов. – И еще, Владимир Георгиевич. Ветров нанял адвоката, чтобы тот помог ему получить в сберкассе вклад, положенный родителями на имя Ларисы.

– Любопытно... Но как же так? Жива сестра или нет, неизвестно, а он уже тянется к ее денежкам. Сумма большая?

– Тысяча рублей. Но и это не все. После смерти родителей Борис подал заявление о признании его наследником их имущества, в частности, дачи.

Как вы знаете, положенный законом срок для установления наследников – шесть месяцев – еще не прошел. А тут поступает еще одно заявление на право наследования – от матери Надежды Федоровны.

– То есть родной бабушки Бориса, – уточнил Гольст.

– В том-то и дело, что не родной, – сказал капитан. – У Надежды Федоровны, так сказать, мачеха. Более того, с отцом Надежды Федоровны их брак не зарегистрирован. Но фактически она воспитывала ее с двенадцати лет. И Борис это знает. Как только он проведал, что бабка претендует на часть дачи, тут же подал заявление в суд, чтобы ее претензии были признаны незаконными.

Та, в свою очередь, тоже обратилась в суд, требуя признать ее законной наследницей. Не знаю, сама надумала или кто-то посоветовал... Словом, заварилась каша. Чем все кончится, неясно.

– В суде разберутся, – задумчиво произнес Гольст. – Выходит, Борис был уверен, что завладеет дачей один?

– Во всяком случае, очень бы хотел. Хватка у него, как у родителей. Не желает выпустить из рук ни копейки. Уже имеет покупателя на дачу. Деловой!

– Не по годам, – заметил следователь. – Знаете, о чем я вас попрошу? Если можно, раз узнайте, почему расстроилась женитьба Бориса на Алисе Макаровой.

– Это которая дочка московского врача-светила?

– Совершенно верно, – кивнул Гольст. – Выясните, какая кошка между ними пробежала.

– Можно, – сказал Самойлов. – Но отсюда выяснять трудно. Вернее, не так быстро...

– Съездите в Москву, – предложил Гольст.

– Это очень важно? – на всякий случай полюбопытствовал инспектор.

– Как знать, – улыбнулся Гольст. – Смотря какие сведения вы привезете оттуда.

И они стали обсуждать, что именно должен был выяснить капитан Самойлов у несостоявшейся невесты Бориса Ветрова.

Вернулись из Кисловодска Цыплаковы, те самые, чья дача находилась рядом с ветровской. В роковую ночь на первое сентября они не спали, дежуря у постели больного человека. Их показания о времени, прошедшем между двумя выстрелами, имели исключительно важное значение.

Правда, другие соседи, Бобринские, уже назвали интервал – 3–4 секунды.

Однако Бобринские были разбужены выстрелами. А, как известно, разбуженный человек находится в заторможенном состоянии и не сразу может разобраться в происходящем.

И вот Цыплаковы на допросе категорически заявили: выстрелы со стороны дачи Ветровых прозвучали один за другим с интервалом не более чем 3–5 секунд. Показания соседей совпали.

Сомнительно, чтобы Александр Карпович за эти секунды выстрелил в жену, успел обойти кровать, лечь, накрыться одеялом, перекинуть через приклад веревку, привязанную к спусковому крючку, и убить себя. Был проведен следственный эксперимент, чтобы выяснить, возможно ли такое. Он показал, что нет. Для всех этих операций пяти секунд было явно недостаточно.

Продолжая изучать фотографии с места происшествия, Гольст обратил внимание на еще одно важное обстоятельство. Как следовало из первого заключения судмедэкспертов, во время выстрела в А.К. Ветрова срез дульной части ружья находился от его головы на расстоянии 4–6 сантиметров. Следовательно, если бы он стрелял в себя сам, то одной рукой держал бы ружье за дульную часть ствола, причем у самого среза. Попали бы в этом случае брызги крови на

руку? Остались бы следы пороховой копоти? На фотографиях ни того, ни другого видно не было. В протоколе осмотра места происшествия эти детали тоже не были зафиксированы.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, Гольст вынес постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы (для этого требовалось эксгумировать труп А.К. Ветрова), которую поручили группе авторитетных специалистов.

Тем временем Владимир Георгиевич получил наконец возможность встретиться с еще одной свидетельницей, Изольдой Романовой, и допросить ее.

Девушка выглядела неважно после только что перенесенного воспаления легких. Когда Гольст сказал, что хочет поговорить с ней о Борисе Ветрове, на ее бледных худых щеках выступил лихорадочный румянец.

– А при чем здесь я? – волнуясь, спросила она.

– Вы близко знали его? – в свою очередь задал вопрос следователь.

– Близко? – почти с испугом переспросила Изольда. – Нет... Впрочем... Ну, встречались с ним. Два или три раза. В компании.

– Где именно?

– Ну... У одного моего знакомого... Дома...

Она не знала, куда девать руки.

– Не надо так волноваться, – успокоил девушку Гольст. – Постарайтесь вспомнить, когда это было, кто еще присутствовал при этом.

– Хорошо, – тихо произнесла девушка. – Это было... в декабре прошлого года... Да, в декабре. Я тогда встречалась с другом Бориса Ветрова.

– Фамилия друга?

– Полонский. Его тоже Борисом зовут. Мы слушали музыку, танцевали. Ветров был со своей девушкой, Леной. Фамилию не знаю. Вскоре у нас с Полонским произошел разрыв, поэтому с Ветровым я больше не виделась. Вот и все...

– Все? – повторил следователь, внимательно глядя на девушку.

Она опустила глаза и не ответила.

– А у нас есть сведения, что в январе этого года вы имели с Борисом Ветровым какие-то отношения. Так?

– Нет! – воскликнула девушка. – Нет! Не могла же я с ближайшим другом Полонского...

Она замолчала, нервно хрустя пальцами.

– Я прошу вас рассказать всю правду, – мягко сказал Гольст. – Это очень важно. Весной у вас были неприятности, верно?

Изольда молча кивнула.

– Вам было очень плохо, – продолжал следователь. – Даже жить не хотелось...

Девушка тяжело вздохнула.

– Ветров имел отношение к этому?

– Не Ветров. Полонский, – с трудом выдавила из себя Изольда и добавила: – Впрочем, Ветров тоже.

– Так в чем же дело? Я понимаю, вам трудно говорить. Это, вероятно, очень личное... Но, поверьте, я спрашиваю об этом только по долгу службы.

– Хорошо. Я скажу... – Девушка некоторое время молчала, прерывисто дыша. – Скажу... Полонский обещал жениться на мне... В общем, я забеременела от него. И тут выяснилось, что он и не собирается жениться. Я узнала, что он со многими поступал так. Уверял, что женится, а потом бросал... Кстати, Ветров не лучше. Правда, у него другой способ...

– Способ чего? – не понял Гольст.

– Чтобы переспать с кем-нибудь... Полонский как-то проболтался. Ветров обычно подсыпал в вино снотворное.

«Так, наверное, произошло и с Мариной», – подумал следователь, вспомнив показания Зубовой.

– И многих девушек соблазнил Ветров? – спросил он.

– Не знаю.

– Ладно, продолжайте, пожалуйста, о себе.

– Я поняла, что с Полонским у нас все кончено. Но как быть с беременностью? Если это дойдет до моих родителей, я не знаю, что они сделают со мной и с Полонским. – В голосе Изольды послышались слезы. – Я вас очень прошу...

– Успокойтесь, пожалуйста. От нас никто ничего не узнает.

– Ну, я встретила с Полонским, попросила его помочь мне избавиться от ребенка. Ведь он будущий медик. Он пообещал что-нибудь придумать. А через несколько дней позвонил мне и сказал, что договорился с Борисом Ветровым, который сделает все, что нужно. – Изольда замолчала. Из глаз ее закапали крупные слезы. Она вытерла их ладошкой и продолжала: – Мы с Ветровым поехали к нему на дачу. Там никого не было... Борис сказал: «Я сделаю тебе три укола, но при одном условии... После каждого укола...» Ну, чтобы я легла с ним... Я была в таком отчаянии... Короче, согласилась... А Ветров обманул меня. Уколы не помогли. Я уверена, что он вводил дистиллированную воду, а не лекарство. Позже все равно пришлось обращаться в больницу. С трудом уговорила сделать аборт: времени-то сколько прошло... Сама, дура, виновата! – вдруг с иронией сказала девушка. – Надо было думать, с кем имеешь дело! Вы даже не представляете, как я зла на Ветрова. Низкий, грязный подлец! Ничего, ему это аукнулось! – уже со злорадством закончила Романова. И спохватилась: – Вы не подумайте, что я о несчастье в его семье. Не дай бог! Я о жене...

– Ольге Каменевоу?

– Ну да. Ветров думал, что женится на дочке проректора института Петрякова. Дудки! Ольга никакого отношения к Петрякову не имеет!

– Погодите, я вас не очень понимаю, – сказал следователь. – Объясните, пожалуйста, подробнее.

– Ну, поговаривали, что Ольга Каменево – незаконная дочь Петрякова. И якобы он очень любит ее, опекает, помогает деньгами и прочее... А Борис Ветров ради карьеры готов пойти на что угодно. Еще бы! Отхватить дочку такого человека! Ветряков очень влиятельный в институте и вообще в медицинских кругах... Выходит, Ветров остался с носом!

«Вот оно в чем дело, – подумал Владимир Георгиевич, вспоминая, как они гадали, почему из всех невест Ветров остановил свой выбор на Ольге. – Но, может, Романова просто хочет очернить Бориса? Из чувства мести?»

– Простите, – сказал он, – а откуда вам это известно?

– Так все знают! Знакомые, друзья Ветрова. Спросите у кого хотите, подтвердят, – заявила девушка.

– Кто конкретно?

– Да хотя бы Полонский. Я видела его месяца полтора назад. Поинтересовалась, как там Борис. Ну, он и рассказал мне... Можете узнать у него.

Гольст и сам хотел встретиться с Полонским: как-никак один из ближайших друзей Ветрова. Но тот находился на практике в другом городе.

– По-моему, это несерьезно, – заметил следователь Ворожищев, когда Владимир Георгиевич ознакомил его с показаниями Изольды Романовой. – Жениться на девушке только потому, что она, по слухам, внебрачная дочь проректора...

– Принимая во внимание принципы Ветрова... – начал было Владимир Георгиевич.

– То, что Ветров готов из чего угодно извлечь выгоду, – да! – перебил его Сергей Михайлович. – Но не такой он человек, чтобы поступать опрометчиво. Обязательно разузнал бы, убедился, действительно ли будущая жена – дочь Петрякова. Хоть и молод еще, но расчетлив.

– Да, в этом Ветрову отказать нельзя, – согласился Гольст.

– Сдается, Владимир Георгиевич, тут кроется что-то другое... Может, ему удобно иметь такую супругу? Все разрешает, на все согласна. Пусть муж гуляет по ресторанам, пусть даже ходит на сторону, лишь бы был с ней. Встречаются ведь такие?

– Встречаются, конечно. И все же отношение Ветрова к Ольге Каменевой для меня окончательно не ясно, – заключил Гольст.

...Вернувшись из Москвы, инспектор Самойлов сразу же встретился с Владимиром Георгиевичем.

– В столице я, можно сказать, попал прямо с корабля на бал, – докладывал следователю капитан.

– В каком смысле? – заинтересовался Гольст.

– Ну, прибыл по нужному адресу. Неподалеку от Калининского проспекта на Арбате. Подхожу к подъезду, а тут как раз выходят из дома невеста с женихом и садятся в «чайку», увитую лентами. Народу – масса. Еле разместились по такси и поехали. Целый кортеж...

Я не очень-то внимательно рассматривал всю эту кутерьму, так, мельком. Поднялся на второй этаж, позвонил. Открыла старушка. Спрашиваю: Алиса Макарова дома? А она мне: только что в ЗАГС отправилась. Вот думаю, незадача! У человека такое событие, а я с распросами. И о ком? О бывшем женихе...

– Да, действительно положение щекотливое, – улыбнулся Владимир Георгиевич.

– Но, – развел руками Самойлов, – работа есть работа... Прихожу на следующий день. Открывает мужчина, спортивный такой, в джинсах, водолазке. Оказался сам Макаров, член-корреспондент. Вежливый, попросил войти в дом. Ну, я представился и деликатненько поинтересовался: можно, мол, побеседовать с его дочерью? Но оказалось, что дочка вчера после банкета сразу в аэропорт – и в свадебное путешествие. На целый месяц. Растерялся я, конечно. Не лететь же к морю? А с заданием как быть? Беседовать о Ветрове с папашей? А вдруг у Бориса с Алисой были тайные отношения? Положеньице, не правда ли?

– Затруднительное, – кивнул с усмешкой Гольст.

– Короче, решил-таки я заговорить о Борисе, – продолжал капитан. – Макаров, как только услышал его фамилию, нахмурился. Говорит: этот ваш Ветров еще тот деляга. Откуда только берутся такие? Слово за слово, и вот что выяснилось. Борис приезжал летом в Москву, официально просил руки Алисы, но... Поставил кое-какие условия!

– Интересно, интересно, – все больше зажигался следователь.

– Во-первых, – капитан начал загибать пальцы на руке, – будущий тесть должен устроить Ветрова после окончания института в ординатуру в Москве. Во-вторых, отдельная квартира для молодых. В-третьих, подарить автомобиль. Борис не прочь иметь «Волгу», но согласен и на «жигули» последней модели. Губа не дура, а?

– Весьма... Но неужели Ветров прямо так все и выложил? – удивился следователь.

– Разумеется, не прямо в лоб, а намеками. Но вполне понятными. Что совершенно возмутило член-корреспондента, так это разглагольствования Ветрова насчет того, что сейчас девушке трудно выйти замуж, особенно если внешность не яркая...

– А как она? – поинтересовался Гольст.

– Алиса? – Инспектор подумал, вспоминая. – Высокая, худая. Бесцветная какая-то. Впрочем, смотря на чей вкус...

– И все же странно, – заметил Владимир Георгиевич. – Вести себя подобным образом с отцом...

– Насколько я понял, мамаша, то есть жена ученого, поддерживала Бориса. Наверное, обворожил ее чем-то. Очень хотела его в зятя. И Алиса была сильно влюблена... Скажем прямо, Ветров может вскружить голову...

– Так почему же их женитьба расстроилась? – спросил Гольст.

– Отец уперся, Макаров. Сказал, что сразу раскусил Бориса. Не дочка ему нужна, а папаша. Вернее, его положение. А он мужик, видать, крутой. Ну и дал Ветрову от ворот поворот. По словам Макарова, Борис, когда уехал, тут же отписал большое покаянное письмо. Мол, что его не так поняли, что любит Алису без памяти и согласен жить с ней хоть в шалаше...

– Письмо сохранилось? – поинтересовался Гольст.

– К сожалению, нет.

– Если, как вы говорите, Алиса была сильно влюблена в Ветрова, почему же так скоропалительно вышла замуж за другого? – спросил следователь.

– Кто знает, – развел руками Самойлов. – Говорят, иногда клин клином вышибают.

– Кто муж?

– Инженер. Старше Алисы на пять лет. Да, – вспомнил капитан, – когда Борис был в Москве, то каждый день заявлялся к Макаровым с цветами. Лучший букет – матери. – Заметив усмешку Гольста, спросил: – Вы что, Владимир Георгиевич?

– Ну и хлюст! Знает, кого надо обхаживать. Между прочим, здесь мы тоже кое-что интересное узнали. Помните, вы раздобыли сведения, что Ветрова несколько раз видели в «Метрополе» с преподавателем института Кирсановым?

– Помню, конечно.

– Так вот, от старшего Ветрова остались золотые часы. Борис сделал на их крышке дарственную надпись и попросил Кирсанова передать подарок ректору института.

– Не теряется парень! – воскликнул капитан. – Кирсанов-то с ректором, как говорится, вась-вась.

– Вот именно.

– Ну и как? Принял ректор подарочек?

– Насколько нам известно, часы пока у Кирсанова. На днях пятидесятилетие ректора. Возможно, тогда и презентует.

То, что предполагали Гольст и его коллеги по расследованию дела Ветровых, подтвердилось и выводами экспертов.

Заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы Ветрова-старшего было категорическим. Александр Карпович никогда не страдал психическим заболеванием.

Сказали свое слово и члены комиссий, проводивших судебно-медицинскую и баллистическую экспертизы.

Вот к каким выводам они пришли.

Во-первых, если бы А.К. Ветров стрелял в себя сам, то на руке, которой он держал дульную часть стволов ружья, обязательно должны были остаться следы пороховой копоти и брызги крови.

Но ни крови, ни копоти не было видно на фотографиях, не было зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия и не было обнаружено на кожных покровах трупа при эксгумации.

Во-вторых, ранение Александру Карповичу было нанесено в левую скуловую область. Эксперты отметили, что при таком направлении выстрела Ветрову было бы крайне неудобно стрелять в себя и после выстрела он обязательно принял бы другое положение в кровати.

В-третьих, на фотографиях Александр Карпович спокойно лежит на спине со свободно вытянутыми вдоль тела руками. Такая поза была бы невозможна, если бы Ветров выстрелил в себя сам. То есть смерть настигла Ветрова-старшего во время сна.

В-четвертых, согласно показаниям Бориса, когда он прибежал в спальню родителей, ружье лежало на постели отца и упало на пол только после того, как сын сдернул одеяло. Но оно не могло лежать на кровати, если бы Ветров-старший покончил с собой. Судя по ране, ружье в момент выстрела находилось в таком положении, что все его ложе выступало за пределы кровати, и в результате отдачи оно непременно должно было упасть на пол сразу после выстрела.

Теперь сомнений не оставалось: супругов Ветровых убили. Но кто?

– Давайте еще раз подумаем, кому была на руку их смерть, – сказал Гольст, когда они с Ворожищевым обсуждали появившиеся за последнее время факты по делу. – Что же тут все-таки – месть, корысть или еще что-нибудь?

– Насчет мести, Владимир Георгиевич, пока не вытанцовывается. Сколько людей проверили – никто не причастен. Может, попытка ограбления?

– Не похоже. Мешает одно обстоятельство. Убийца, как вы помните, чтобы ввести в заблуждение следствие, привязал к спусковому крючку ружья веревку. Инсценировка самоубийства...

– Это была его ошибка, – заметил Ворожищев.

– Конечно. А главное – эксперты указали в своем заключении: для того, чтобы выстрелить в себя, Ветрову не надо было прибегать ни к каким приспособлениям в виде веревки. Он мог нажать на спусковой крючок сам, так как легко доставал рукой. Так вот, – продолжал Гольст, – инсценировка самоубийства подготавливалась заранее. Выходит, убийца знал, где висит ружье, каким образом можно покинуть дачу незаметно. Это был если не близкий, то, во всяком случае, хорошо знакомый в доме человек.

– Даже более того, – добавил Ворожищев. – Он был отлично осведомлен обо всем, что касалось этой семьи. Например, он знал, что Александр Карпович якобы болен шизофренией. Но ведь, кроме самых близких родных, об этом не знал никто.

– Значит, месть отпадает. Попытка ограбления – тоже. Значит, выгода? Кто получал выгоду в результате смерти супругов Ветровых?

– Если уж говорить о выгоде, больше всего досталось бы Борису, – сказал Ворожищев. – Квартира в городе, дача, все сбережения... Кстати, вас не смущает поведение Бориса после их смерти? Я имею в виду его активную деятельность по распродаже имущества и другие проявления меркантильности.

– И да, и нет, – подумав, ответил Владимир Георгиевич. – Конечно, с одной стороны, слишком ретиво устраивает он свои материальные дела. А с другой... Ну, характер такой у парня. Кстати, взлелеянный отцом и матерью. Честно говоря, Борис производит неоднозначное впечатление... Карьерист, нечистоплотен в отношениях с женщинами. Но ему нельзя отказать в уме, способностях. Говорят даже – талантлив... Если он смышленный парень, пошел бы он на убийство? Ведь должен был понимать, что рано или поздно его разоблачат. И потом, в момент гибели родителей он находился в другой комнате.

– Так утверждает Ольга Каменева, – заметил Ворожищев.

– Есть основания не верить ей?

– Пока нет, – пожал плечами Ворожищев. – Знаете, Владимир Георгиевич, у меня идея... Правда, сумасшедшая... А что, если это сделала Ольга?

– Зачем?

– Чтобы остаться полновластной хозяйкой квартиры в городе, на даче и так далее.

– Так ведь и Борис говорит, что они были вместе, когда прозвучали выстрелы. Если мы верим Каменевой, то почему не должны верить Борису? Конечно, мы имеем право сомневаться.

Сомневаться, искать, думать... Но категорически утверждать пока ничего нельзя.

Буквально на следующий день после этого разговора Гольсту позвонили из милиции.

– Владимир Георгиевич, – взволнованно сказал замначальника городского управления внутренних дел, – тут к нам зашел один человек, оставил письмо. Касается дела Ветровых...

– Кто такой? – спросил Гольст.

– Говорит, близкий знакомый жены младшего Ветрова.

– Ольги Каменевой?

– Да, ее. Уверен, послание вас крайне заинтересует.

Через полчаса конверт лежал на столе Владимира Георгиевича. В нем была короткая записка, написанная от руки:

«Если со мной что-нибудь случится, заявляю, что во время следствия я дала неправильные показания. В ночь на первое сентября на даче Ветровых в Быстрице в момент выстрелов я не была вместе с Борисом». И подпись: Ольга Каменева.

Действительно, сообщение чрезвычайно важное. Что хотела сказать своим обращением в милицию жена Бориса? Почему она не пришла сама? Почему сделала свое заявление именно теперь?

Если она говорила неправду раньше, то с какой целью? А вдруг запоздалое признание – ложь, преследующая какие-нибудь неблагоприятные интересы? Все эти вопросы и сомнения овладели Гольстом, когда он прочитал записку Каменевой.

Прежде всего в прокуратуру был приглашен человек, доставивший конверт в милицию. Некто Реутов.

– Когда Каменева передала вам письмо? – спросил Гольст.

– Вчера.

– Она просила отнести его в милицию?

– Нет, ничего не просила. Пришла ко мне какая-то странная, тихая, словно пришибленная. Я, естественно, поинтересовался, что с ней такое. Она говорит: «Не спрашивай ни о чем. Если ты мне друг, вот тебе письмо. Пусть лежит у тебя». Я, конечно, удивился. А Оля объяснила: «Если что произойдет, тогда... В общем, сам, – говорит, – догадаешься, что надо делать...» Я долго уговаривал ее рассказать, что же все-таки случилось, но Оля молчала. Потом расплакалась и ушла.

– Письмо было запечатано? – спросил следователь.

– Да, – смущенно кивнул Реутов. – Виноват. Это, конечно, некрасиво, но я не удержался, вскрыл... Вы бы видели, какое у нее было состояние! Я подумал: не дай бог действительно произойдет несчастье! Так зачем дожидаться?

По словам Реутова, с Каменевой они дружили с детства. Дружба эта была чистая и верная. Видно было, что происшедшее сильно подействовало на него. Он все твердил: «Что с ней может случиться? Что она имела в виду?»

Гольста и самого интересовали ответы на эти вопросы. Дать их могла только Ольга Каменева. Было решено срочно допросить ее.

Каменева пришла в прокуратуру бледная, подавленная. Глаза – как у затравленного зверька.

– Что вынудило вас оставить письмо у Реутова? – задал вопрос Гольст.

Ольга молчала. Следователь повторил вопрос.

– Я боюсь, – выдавила наконец из себя Каменева.

– Пожалуйста, объясните причину вашего страха. – Владимир Георгиевич говорил вежливо, мягко, но настойчиво.

– А Борис не узнает, что я была у вас? – чуть ли не шепотом спросила она.

– Это судя по тому, что вы сообщите нам, – уклончиво ответил Гольст.

– Я больше не могу! – с отчаянием выкрикнула Каменева. – Эти бесконечные разговоры о трупах... Намеки... Свихнуться можно, ей-богу!

– Конкретнее, пожалуйста. Вы меня понимаете? Говорите подробнее.

Ольга кивнула. Попросила воды.

Пока Гольст наполнял стакан, облизывала пересохшие губы. Залпом выпив воду, стала рассказывать:

– Понимаете, Борис считает, что Ларису убил отец, Александр Карпович... Боря говорит, что он сделал это потому, что ненормальный. Шизофреник. И в силу какой-то ритуальности закопал труп в погребе на быстрицкой даче. Почему именно в погребе? Он находится как раз под маленькой комнатой, где была спальня Александра Карповича и Надежды Федоровны...

– Простите, – перебил Каменеву следователь, – когда именно начались эти разговоры?

– Давно уже. Сразу после похорон родителей Бориса. А что?

– Нет, ничего... Продолжайте, пожалуйста.

– Я спрашиваю у Бори: почему ты так уверен, что Лару убил отец? Он говорит: психи на все способны. И еще, мол, подтверждением служит то, что Александр Карпович убил потом Надежду Федоровну и себя. Я опять спрашиваю: откуда ты знаешь, что Лариса закопана в погребе? Он ответил, что там в одном месте земля рыхлая. Он обнаружил это, когда зачем-то лазил в погреб. И именно под тем местом, где в спальне стоит кровать Александра Карповича. Знаете, после этого я перестала ездить в Быстрицу... Хотя, наверное, все это выдумки. Ну, насчет Лары...

– Вы не спускались в погреб на даче после того, как Борис рассказал вам о своих подозрениях? – спросил Гольст.

– Что вы! – испуганно отмахнулась Ольга. – Я же говорю – больше в Быстрице не была.

– А Борис ездил туда?

– Несколько раз. Он собирается продать дачу, как только пройдет шесть месяцев и он по закону станет наследником. Покупателей туда возил, показывал. – Каменева обхватила голову руками. – Вы не можете себе представить, какая это пытка – слушать его разговоры! Зачем он на мне женился, а? Чтобы терзать? Я по ночам спать не могу, все думаю: может, он тоже шизофреник? – Ольга повертела пальцем у виска. – Как Александр Карпович? Не поверите, иной раз прямо ужас берет. Особенно ночью. Прислушиваюсь – спит Борис или нет. Кажется, сейчас встанет, возьмет ружье и... Как его отец Надежду Федоровну...

– У вас дома есть ружье? – спросил следователь.

– Есть. Борис иногда ездит на охоту. Вот я и пошла к Реутову.

– Помимо того, что якобы Александр Карпович убил Ларису, муж ничего не рассказывал вам об исчезновении сестры и смерти родителей?

– Для меня и этого достаточно. Я просто столбенею от ужаса. Наверное, уже сама становлюсь ненормальной...

– И все же? – настаивал Гольст.

– Вроде нет...

Каменева задумалась.

– Я уже не знаю, когда он странный, а когда нет. То нежный со мной, внимательный, а то вдруг слова за день не скажет, словно не замечает меня. В последнее время все больше бирюком ходит. И пристаёт: мол, если будут спрашивать меня, вместе ли мы были в ночь на первое сентября, чтобы отвечала, что вместе.

«Ну вот, подошли к главному», – подумал следователь и спросил:

– А как было на самом деле?

– На самом деле? – как эхо, повторила Ольга. – Сначала мы действительно были вместе, а потом Борис ушел в другую комнату...

Она смутилась и замолчала.

– Прошу вас, говорите все начистоту, подробно, – мягко попросил Гольст. – Это очень важно. Когда в ту ночь легли спать родители Бориса, что делал он, вы, где кто находился во время выстрелов... Вы поняли меня?

– Да, – кивнула Ольга. – Александр Карпович и Надежда Федоровна легли раньше. Кажется, около одиннадцати. Мы с Борей посидели в большой комнате. Он постелил себе там. Обычно, когда я оставалась ночевать у них на даче, Борис спал в большой комнате, а я – в его. Так было и в тот раз. Потом я пошла спать...

– В каком часу?

– Около двенадцати. Потушила свет, разделась, легла...

– В комнате Бориса? – уточнил следователь.

– Да. В большой комнате тоже погас свет. Я думала, Борис лег спать. Но... – Ольга опустила голову. – Он пришел ко мне... у нас уже была договоренность, что мы поженимся... В общем, вы понимаете, что произошло между нами.

– Понимаю.

– Еще до того, ну, до нашей близости, я шепотом спросила у него: а как же родители? Вдруг что-то услышат? Вдруг кто-то из них встанет? Борис ответил, что они давно и крепко спят.

– Дальше?

– Ну, ушел Борис через час.

– Куда?

– В большую комнату. А я заснула. Сколько прошло времени, не знаю. Вдруг – выстрел. Я спросонья даже не поняла, что происходит... Потом – еще выстрел. Я аж подскочила на кровати. В доме везде темно. Хочу крикнуть и не могу... Тут вбежал Борис, зажег свет. В майке и трусах, бледный, растерянный. Спрашивает: слышала? Я спросила, что произошло. Он ответил, что Александр Карпович застрелил Надежду Федоровну, а потом себя... Сказал, чтобы я не ходила в спальню к родителям. Я вскочила, кричу: может, они еще живы, может, необходима помощь. Стала теревить Бориса, а он стоит истукан истуканом. Не помню уж, как мы очутились в спальне, кто зажег свет... Жуткая картина! Я как глянула, так и ноги подкосились... – Ольга закрыла лицо руками и замолчала.

– Дальше что? – осторожно спросил Гольст.

– Как в тумане... У меня все поплыло перед глазами. Показалось, что Борис потянулся к ружью...

– Где оно находилось?

– Где? – переспросила Ольга. – Когда я вошла, оно лежало на полу. Но Борис сказал, что сначала оно было на кровати, а когда он сдернул с Александра Карповича одеяло, упало на пол. У меня мелькнула безумная мысль: а вдруг Борис сейчас и в себя тоже?

– Почему вы так подумали?

– Вы бы видели, в каком он был состоянии!.. Я схватила ружье и решила унести его подальше от Бориса. Побежала к соседям напротив...

– К Бобринским?

– Да, к ним.

Дальше Каменева сообщила то, что уже несколько раз говорила на допросах.

– Почему вы на первом и последующих допросах говорили следователю районной прокуратуры, что в момент выстрелов Борис находился с вами в одной комнате? – задал вопрос Гольст.

– Борис попросил.

– Когда именно он попросил об этом?

– Ну... По-моему, когда я взяла ружье и хотела его унести.

– Значит, сразу после того, как вы вошли в спальню и увидели трупы?

– Да, – еле слышно ответила Ольга.

– А чем Борис объяснил свою просьбу?

– Сказал, что затаскают по милициям, будут трепать нервы. А у него скоро госэкзамены...

– Но ведь вы сказали неправду. Так?

Каменева, вздохнув, кивнула.

– Мне было очень жалко его. Он так переживал... В общем, я боялась за Бориса. Он сказал мне: рассказывай все, как было в действительности, только не говори, что я ушел от тебя в другую комнату. Я выполнила его просьбу – все честно рассказала, только скрала его уход... Неужели это такая большая вина? – Ольга прижала руки к груди. – Просто я не хотела, чтобы его таскали на допросы, нервировали... Он и без того столько пережил!

«Похоже, она говорит искренне, – подумал Владимир Георгиевич. – Просто хотела уберечь любимого человека от лишних волнений».

– Как относился Борис к своим родителям? – спросил он.

– Очень хорошо! – с неожиданным жаром ответила Ольга. – Можно даже сказать, идеально. Уважал их...

– А как они относились к Борису?

– Любили... Правда, я не очень давно стала вхожа в их семью. Собственно, даже не успели по-настоящему сродниться. – Ольга вздохнула. – Но меня поразило то, как все они умели ладить друг с другом – Ларочка, Борис и родители...

– А после их смерти как он о них отзывался?

– Переживал... Один раз сорвался.

– Когда? – насторожился следователь.

– Перед самыми похоронами. Я приготовила для Александра Карповича его новый костюм, чтобы одели его в морге. А Борис был против. Сказал: пусть в гроб кладут в старом костюме.

– Почему?

– Ну, мол, отец – убийца его матери... Потом, как мне показалось, ему было стыдно за то, что пожалел новый костюм.

Гольст уточнил еще кое-какие детали и закончил допрос. Подписывая протокол, Ольга спросила, можно ли сделать так, чтобы о ее визите в прокуратуру и этой беседе Борис не узнал.

Владимир Георгиевич твердо пообещал, сказав при этом:

– Но у меня будет к вам просьба. Вы также ничего не говорите мужу о нашей беседе.

– Конечно, конечно, – закивала Каменева. – Да его сейчас и нет в городе...

– Где же он? – любопытствовал Гольст.

– Сказал, что едет в деревню на охоту. К приятелю... А там ли он... – Ольга замолчала, печально глядя в окно.

– Вы сомневаетесь, действительно ли Борис на охоте?

– Не знаю. – Ольга перевела грустный взгляд на следователя. – В прошлом месяце тоже говорил, что на охоте. А потом я узнала, что он был у одной женщины. – Она махнула рукой. – Что с ним поделаешь? Испортили его всякие... – Каменева не договорила.

– Когда он обещал вернуться?

– Послезавтра, – ответила Ольга, поднимаясь со стула.

«Волга» мчалась по загородному шоссе. День выдался морозный, ясный.

Снежный наст по обеим сторонам дороги вспыхивал мириадами искр.

После вчерашнего допроса Каменево Гольст решил произвести обыск на даче Ветровых. Вместе с ним в машине были следователь Ворожищев и капитан Самойлов. Впереди на газике ехали сотрудники райотдела внутренних дел.

В «Волге» продолжался разговор, начатый еще в городе. О том, насколько можно доверять показаниям Каменевой на последнем допросе, проведенном Гольстом. Действительно ли в момент выстрелов Борис находился в другой комнате?

– А что, если она по какой-то причине хочет насолить мужу? – высказал предположение Ворожищев.

– Мне показалось, что она была искренна, – ответил Владимир Георгиевич. – Видно, что любит его, жалеет.

– И ревнует, – добавил Сергей Михайлович. – А где ревность, там такое может быть...

– Зачем же ей доставлять Борису крупные неприятности? – возразил Гольст. – Тем более раз речь идет о таком серьезном, даже страшном деле. Зачем ей давать нам повод подозревать Бориса в убийстве?

– У женщин на первом плане эмоции, а уж потом логика, если она вообще кому-то из них свойственна, – усмехнулся Ворожищев. – Разве не было в вашей практике случаев, когда ослепленная ревностью женщина без рассуждений шла на что угодно?

– Почему только женщина? – заметил капитан Самойлов. – И мужчина из ревности может такого натворить – не приведи Господь!

– Посмотрим, – неопределенно произнес Гольст. – Вернется с охоты Ветров – допросим.

– Удивляет, что Борис не поделился со следствием своими подозрениями о том, что Ларису убил отец, – сказал Ворожищев.

– Наверное, не хотел ворошить память об отце. Того все равно не воскресишь и не привлечешь к ответу... Да и подозрения эти в любом случае бросают тень на самого Бориса. Каково ходить в сыновьях убийцы невинной девочки, а?

Ворожищев ничего не ответил.

Машины въехали в поселок. Газик остановился возле здания отделения милиции. Следом за ним тормознула «Волга».

К группе, отправляющейся на обыск, присоединились участковый инспектор и заместитель председателя исполкома поселкового Совета.

От Ольги Каменевой Гольст узнал, что у Бобринской имелись ключи от дачи, Борис за небольшую плату попросил соседку, как и в прежние времена, присматривать зимой за домом. Дачу открыли и вошли в нее вместе с понятыми, за которыми сходил участковый.

– Начнем с погреба, – сказал Гольст, предварительно объяснив понятым, какие функции они должны выполнять.

В погребе имелась электрическая лампочка. Выключатель находился наверху, в комнате. Вместе с Гольстом и понятыми в погреб спустился сотрудник райотдела милиции со специальным приспособлением – трупоиискателем.

Пол был мягкий, посыпан песком.

Щуп легко входил в грунт. Сверху, через люк, за происходящим наблюдали Ворожищев, Самойлов и другие.

Стояла мертвая тишина.

– Есть, – вдруг раздался спокойный голос сотрудника милиции, когда щуп в очередной раз погрузился в песок.

– Лопату! – негромко скомандовал Владимир Георгиевич. Он старался быть спокойным, но все-таки не мог скрыть волнения.

Через несколько минут откопали красную детскую туфлю, две коробки с играми. Все напряженно замерли. Когда из песка показалась рука, одной из понятых стало плохо.

Это был полуразложившийся труп Ларисы Ветровой.

...Обыск вели почти до самой ночи.

Была тщательно осмотрена вся дача, а также сарай на участке. В большом деревянном ларе среди рухляди Гольст обнаружил металлический ящик. Вскрыли его. Там, в част ности, оказалась толстая общая тетрадь с записями – что-то вроде дневника или памятной книжки.

Владимир Георгиевич изъясил эту тетрадь.

Тело девочки отвезли в морг.

Гольст успел еще провести допрос Бобринской и двух соседей Ветровых, оказавшихся случайно в поселке. Затем поехали в город. В дороге, хотя все изрядно устали, разговор не прерывался ни на минуту. Вертелся он вокруг одного: кто же убил девочку? Есть ли связь между ее убийством и последующими трагическими событиями на даче Ветровых?

– Надо же, – сказал Ворожищев. – Слова Бориса о том, что сестра убита и закопана в погреб, подтвердились. Интересно, он знал это наверняка или интуиция?

– Ничего себе вопросик, – усмехнулся Гольст. – Ответ на него может стать разгадкой ко всему преступлению.

– Вы хотите сказать: он знал потому, что сам убил? – уточнил Сергей Михайлович.

– Это одна из версий, – ответил Владимир Георгиевич. – Вторая – Ларису убил отец и проговорился сыну. Третья – Борис что-то заподозрил, когда обнаружил в подвале участок с рыхлой почвой, стал копать и увидел труп сестры...

– Но почему в таком случае он не сообщил в милицию? – задал вопрос Ворожищев.

– Возможно, боялся, что подозрение падет на него, – ответил Гольст. – Вспомните, кто находился на даче, когда исчезла Лариса? Только Борис и отец. Выходит, что убийца – один из них.

– Девочку могли убить и не на даче, – подал голос капитан Самойлов. – А потом уже перенесли труп и закопали в погреб.

– И это, конечно, не исключено, – сказал Гольст. – Хотя... Подумайте, какой риск нести тело в дом, лезть в погреб, рыть яму и так далее. Вспомните, что с момента исчезновения Ларисы на даче все время был кто-нибудь из Ветровых. Шли поиски девочки, люди в поселке были встревожены. К каждому подозрительному человеку или событию – особое внимание...

– Да, – согласился инспектор уголовного розыска. – Но после гибели Ветровых и их похорон дом пустовал. Поселок тоже обезлюдел, почти все дачники съехали.

Аргументы Самойлова были вполне убедительны. Но тогда вставал вопрос: кто же мог совершить такое страшное злодеяние? Совершенно посторонний человек – вряд ли, убийца должен был хорошо знать план дачи, иметь ключи. Значит, кто-то из родственников, знакомых, соседей?

Время в дороге пролетело незаметно. Перед тем как расстаться, наметили конкретные мероприятия, которые следовало провести на следующий день.

Обнаружение трупа девочки круто меняло ход расследования.

В эту ночь Владимир Георгиевич так и не смог уснуть. Все думал, сопоставлял, анализировал. Его очень заинтересовала тетрадь, обнаруженная в сарае на даче. В том, что она принадлежала Борису Ветрову, сомневаться не приходилось: стоило лишь сверить его почерк в документах, находящихся в деле, с записями в тетради.

В своем дневнике Ветров записывал мысли, казавшиеся ему значительными, изречения, чем-то поразившие его, отражал в нем некоторые события из своей жизни. Борис не удосуживался, как правило, помечать, кому принадлежат те или иные высказывания. Могло даже показаться, что они – плод размышлений самого Бориса. Но, вчитываясь все глубже, Гольст понял: многие из мыслей не его. Некоторые Владимир Георгиевич уже где-то встречал, да и стиль афоризмов выдавал принадлежность их разным авторам.

Вот, например, какие перлы вычитал из дневника Владимир Георгиевич:

«Деньги – это то, что есть у других и что нужно добыть мне».

«Бескорыстно любите деньги».

«Нет такой высокой стены, через которую не мог бы перешагнуть осел, нагруженный золотом».

«Отсутствие денег у людей – порок.
Человек без денег – просто не человек».

Гольст отметил, что деньги и все связанное с ними очень занимало воображение Ветрова. Это был его, если можно так выразиться, пунктик.

Заинтересовали следователя и такие записи:

«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их».

«Зачем надо работать на потомство, когда потомство для тебя все равно ничего не делает?»

Чем больше Гольст углублялся в чтение, тем ярче предстал перед ним человек, писавший этот дневник.

Ветрову нельзя было отказать в целенаправленности. Но что это была за направленность!

«Мораль – это выдумка человека, а не вывод из жизненного опыта».

«Совесть непобедима лишь для слабых духом. Сильные, быстро овладевая ею, подчиняют ее своим целям».

«Коллектив – это сброд, где каждый человек теряет свою индивидуальность».

«Народ – раб, лишь немногие призваны быть господами».

Владимир Георгиевич все больше поражался: откуда у молодого человека такое преувеличенное самомнение? То, что Ветров не считал себя «сбродом», заурядностью, было совершенно явно.

Каждая строка его дневника вопила о том, что именно он, Ветров, – один из «немногих», которые стоят выше других.

«Что это? – думал Гольст. – Большая психика? Бред?» Но на бред писанина Бориса не походила. Ход его мыслей, сами идеи – все отдавало холодной рассудительностью, трезвым, циничным расчетом.

«Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно.

Все, что становится поперек дороги, – буква ли закона, чужая ли воля, – надо сметать или умело обходить». Тут же Борис делает запись, вероятно отвечающую его жизненным планам: «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги». После этого откровения он добавляет по-латыни «ум кумо», что означает «любым способом». Владимир Георгиевич уже встречал это изречение: оно было выведено на обложке дневника крупными буквами...

Когда Гольст кончил читать дневник, он подумал: «Неужели все это писал молодой человек, только-только вступающий в жизнь? Ни одной светлой, романтической мысли. Ни единой строки, в которой бы проглядывали возвышенность устремлений, восторженность юности». Владимир Георгиевич словно прикоснулся к чему-то холодному – куску льда, железа... И еще.

От автора дневника веяло опасностью.

Ибо человек, вбивший себе в голову подобные идеи, готов на все. Даже на самое страшное...

Забрезжил рассвет. Гольст уже знал, что он обязан делать по долгу своей службы в самые ближайшие часы.

Бориса Ветрова арестовали около полудня, когда он появился в своей квартире. Ему разрешили сложить в кухне охотничьи доспехи (ружье в чехле, патронташ, сумку с кабаньим окороком – он действительно был на охоте), переодеться.

В машине, которая везла его в следственный изолятор, Ветров сначала возмущался, грозил, что будет жаловаться, но постепенно притих.

На допрос Владимир Георгиевич вызвал его лишь на следующий день, с утра дал ему время поразмыслить, все взвесить. Допрос состоялся в следственном изоляторе и велся с применением магнитофона.

Когда привели Ветрова, Гольст удивился: костюм на нем без единой морщинки, рубашка свежая, словно Борис надел ее только что. Сам он тщательно причесан, умыт. Лишь глаза усталые, но спокойные.

Следователь предъявил ему обвинение в убийстве сестры, матери и отца.

Борис невозмутимо произнес:

– Это ошибка. Я никого не убивал.

– Значит, не признаете себя виновным? – спросил Гольст.

– Не признаю.

Владимира Георгиевича поразило его хладнокровие. Никакой растерянности или замешательства.

– Так кто же, по-вашему, убил Ларису?

– А разве она убита? – вопросом на вопрос ответил Ветров.

– Да.

Гольст положил перед Ветровым фотографии, сделанные в погребе быстрицкой дачи, где был обнаружен труп девочки.

Борис посмотрел на них. Лоб его слегка побледнел, рот сжался. Некоторое время он сидел молча. Потом медленно произнес:

– Я так и думал... Это отец...

«Ну и выдержка, – мелькнуло в голове у следователя. – Крепкий орешек. Такого голыми руками не возьмешь».

– Почему вы так думаете? – спросил Гольст.

– Я говорил раньше... Отец мне намекал... Простите, она, – Борис указал на фотографии, – была зарыта прямо под спальней, под тем местом, где стояла кровать отца?

– Примерно.

– Это все из-за его ритуальности, – вздохнул Борис. – Типичный признак. Шизофрения...

– Александр Карпович был совершенно здоровым человеком, – спокойно сказал следователь.

– Уж этого можете мне не говорить, – усмехнулся допрашиваемый. – Я как-никак врач. Могу разобраться, что к чему.

– Ну, положим, вы еще только студент, – заметил следователь без всяких эмоций. – А если вас действительно интересует мнение авторитетных специалистов – пожалуйста.

Гольст протянул Борису заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы А.К. Ветрова. Тот прочитал его, пожал плечами.

– Но я лично, своими глазами видел выписку из истории болезни. Отец лежал в свердловской больнице. Его признали шизофреником и освободили от армии. Чему же верить? – искренне удивился Ветров.

– Ваш отец тогда симулировал болезнь, – коротко объяснил следователь.

– Но для чего? – вырвалось у Бориса.

– Сейчас мы не будем вдаваться в подробности. Главное уяснили? Не было шизофрении.

– По-моему, все-таки была. Врачи не боги, простые смертные... Эраре гуманум эст. Простите, это по-латыни...

– Я понял. Человеку свойственно ошибаться, – перевел следователь.

Ветров пустился в пространные рассуждения о том, какая сложная и запутанная область медицины – психиатрия. Установить диагноз больному психическим заболеванием иной раз не под силу даже опытнейшему врачу.

– А тем более, когда человека уже нет, – закончил обвиняемый.

«Вступать с ним в спор сейчас, пожалуй, не время», – подумал Владимир Георгиевич.
– Значит, как вы утверждаете, у вас были подозрения, что Лариса убита отцом? – спросил он.

– Да, – ответил Борис.

– Вы делились ими с кем-нибудь?

– С женой.

– А почему ничего не сказали следственным органам?

– Подозрение еще не доказательство. А у меня никаких доказательств не было.

– На чем основывались ваши подозрения?

– На том, как вел себя отец после исчезновения сестры. Однажды у него вырвалось нечаянно, что виноват якобы он. И потом эта навязчивая мысль о самоубийстве... Он был в ужасном состоянии... И в конце концов не выдержал...

– Но родные и знакомые говорят, что у него не было желания уйти из жизни, – возразил Гольст. – Наоборот...

– Интересно, кто мог сказать такую глупость? – усмехнулся Ветров.

– Ваша тетя, Ангелина Карловна, еще близкий друг отца. Да и не только они...

Следователь дал Ветрову ознакомиться с протоколами, в которых указывалось, что Александр Карпович мечтал о благоустройстве дачи, строил планы на будущее.

– Эти люди не знали истинного положения дел. Но я-то сын! Перед ними он мог играть, притворяться. С нами, то есть со мной и с мамой, отец не притворялся.

«Логично объясняет», – отметил про себя Гольст.

– Вы догадывались, куда он мог зарыть труп сестры?

– Догадывался. Вернее, догадка возникла, когда я увидел в погребке, что под спальней родителей рыхлый песок.

– Сказали кому-нибудь об этом?

– Жене. Ольге.

– И не пытались проверить свою догадку?

– Не дай Бог! Хоть у меня и были подозрения, но я гнал их от себя. Кстати, каким способом убита Лариса?

Следователь дал Ветрову заключение судебно-медицинской экспертизы.

Врачи установили, что девочка была задушена.

Борис прочитал заключение, обхватил рукой лоб.

– Бедная Ларочка, – прошептал он. – Что она думала в тот момент?

– Ладно... Расскажите, пожалуйста, подробно о том вечере, когда исчезла ваша сестра, – попросил следователь.

Ветров долго и обстоятельно излагал то, что уже было рассказано им прежде и зафиксировано в документах дела. Только теперь он чуть-чуть подправил свои показания: по его словам, в то время, когда исчезла сестра, Борис не только читал книгу в своей комнате, но и вздремнул в кресле. Выходило, что отец мог незаметно для него спуститься в подвал и сделать свое страшное дело.

Люк находился на веранде и не был виден из комнаты Бориса.

– Уверяю, я совершенно не причастен к гибели сестры, – закончил он. – И вообще подумайте, зачем мне было ее убивать? С какой целью?

– С той же, с какой и родителей, – сказал следователь.

– Да вы что! – не выдержал обвиняемый. – Я зверь, что ли?!

– Как это у Шекспира, помните? «Лей кровь и попирай закон», – процитировал Владимир Георгиевич выписку из дневника Ветрова.

Это был пробный камень, и он, кажется, попал в цель. Борис посмотрел на Гольста с испугом.

– Но при чем здесь Шекспир? – еле выдавил он из себя.

– Вам же нравятся сильные личности, не так ли? – спокойно спросил следователь. – «Убийство – это объективный акт, и смерть не различает, кто прав, кто виноват», – снова процитировал Владимир Георгиевич из тетради, найденной в сарае в Быстрице.

– Не знаю, о чем вы говорите, – раздраженно пожал плечами Ветров.

Но было видно, что он отлично знал. Догадался, что его дневник побывал в руках следователя.

По залегшей складке на лбу Ветрова Гольст понял: Борис лихорадочно соображает, какая информация из его личных, интимных записей может быть использована против него. «Пусть, пусть соображает, – подумал следователь. – Теперь уж, кажется, он выбит из колеи».

– Хорошо, поговорим о другом, – продолжал Гольст. – Вы ездили в конце июля в Москву?

– Ездил, – ответил Ветров, подозрительно глянув на следователя.

– Зачем?

– По личным делам.

– Поделитесь, пожалуйста.

– Это не представляет для вас никакого интереса.

– Почему же? – возразил Гольст. – Как раз очень интересно.

– Ну, если вы настаиваете... – пожал плечами Ветров. – Там у меня была девушка.

– Невеста, хотите сказать? – поправил Владимир Георгиевич.

– Вроде.

– Вы любили ее?

– Не любил – не ездил бы.

– Любили бескорыстно?

– Нет, – разозлился Борис. – Хотел жениться, обобрать и бросить! Как те брачные аферисты, о которых пишут в судебных фельетонах в газетах, – съязвил он.

– Я вас серьезно спрашиваю, – спокойно сказал Гольст.

– Извините, но вопрос ваш бестактный. – Ветров обиделся.

– Увы, такая у нас работа. Приходится порой задавать вопросы и похлеще.

– Понимаю, – примирительно сказал Борис. – Но подобный, мне кажется, не к месту.

«Ишь, задело, – подумал Гольст. – Очень хорошо, пусть беспокоится», – и продолжал:

– А теперь давайте вспомним о событии в ночь на первое сентября у вас на даче.

– Пожалуйста, я готов, – поспешно согласился Борис. Даже слишком поспешно.

– Расскажите, что вы делали вечером, перед тем, как услышали выстрелы в комнате родителей, и что было дальше. Вопрос ясен?

– Вполне.

Ветров повторил то, что уже говорил раньше.

– Я хочу уточнить кое-какие детали, – сказал Гольст. – Значит, в момент выстрелов вы были с Ольгой Каменевой в своей комнате?

– Совершенно верно. Она это подтвердила. И не раз.

– Пойдемте дальше, – невозмутимо продолжал следователь. – Сколько времени прошло между первым и вторым выстрелами?

– Я же говорил. Полминуты, не менее.

– И сразу после второго выстрела вы вбежали в комнату родителей. Один или с Ольгой?

– Один.

– Дверь в их спальню была открыта или закрыта?

– Закрыта.

– Это вы хорошо помните?

– Отлично помню, – заверил Борис.

– Ну что ж, так и запишем, – спокойно сказал следователь, занося показания в протокол: – «Дверь в спальню родителей была закрыта...» Вы говорите, что ружье лежало на кровати отца? – Да, на одеяле. По-моему, между ног... – Точно на одеяле? – Точно, – кивнул Ветров. – Потому что, когда я сдернул с него одеяло, ружье упало на пол.

Владимир Георгиевич записал в протокол и это показание.

– Пожалуйста, прочтите и распишитесь, – попросил он. – На каждой странице.

Ветров внимательно прочитал протокол, расписался.

«Волнуется. Не то что прежде, – констатировал Гольст. – Вон как рука дрожит». Он взял протокол. Помолчал.

Ветров сидел прямо, выжидательно глядя на следователя. Пауза его тяготила, что также не ускользнуло от внимания Гольста. Потянув еще некоторое время, Владимир Георгиевич спросил:

– Борис Александрович, вы считаете себя умным человеком, не так ли?

– В общем, не дураком, – ответил Ветров осторожно.

– И в институте о вас отзываются как о способном студенте, который мыслит логически, быстро схватывает материал, проявляет недюжинные научные способности...

– Приятно слышать, – усмехнулся Ветров. – Кто же так охарактеризовал меня?

– В частности, проректор.

– Петряков?

– Он самый. Таким образом, я могу апеллировать к перечисленным вашим качествам – уму, логике, умению мыслить аналитически?

– Как вам будет угодно, – чуть наклонил голову Ветров.

– Вы учитесь на врача, – продолжал Гольст. – А врачи, как известно, должны опираться на объективные, фактические данные... Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с последними показаниями вашей жены.

Он дал Ветрову прочесть протокол допроса Каменевой – то место, где она говорила, что Борис не был с ней в одной комнате, когда прозвучали выстрелы.

Следователь внимательно наблюдал за выражением лица допрашиваемого.

Оно, увы, было бесстрастным.

– Так я и предполагал. – Ветров усмехнулся. – Мелкая низкая месть! О женщины! – воскликнул он патетически и, прижав руку к груди, признался доверительно: – Конечно, в семейной жизни я вел себя не совсем безупречно. Но из-за этого сводить со мной счеты подобным образом!.. – покачал он головой.

– Вы хотите сказать, что Каменева сказала неправду? – уточнил следователь.

– Ложь чистой воды! – возмущенно произнес Ветров. – Она не раз грозила мне. Каждая женщина по натуре собственница. Мужчина для нее что вещь, должен принадлежать ей весь полностью, без остатка. Поверьте, она как-то даже пыталась отравить меня. Снотворным. И вот, докатилась...

«На что он рассчитывает? – думал Гольст. – Надеется, что я поверю ему, или просто выигрывает время для подготовки к обороне? Нет, пора кончать игру в кошки-мышки».

– Во-первых, не она пыталась отравить вас, – жестко произнес следователь, – а вы чуть не довели ее до самоубийства. Более того, Ольга уже выпила смертельную дозу люминала, но вы испугались и промыли ей желудок. Даже скорую вызвали, но, когда приехали врачи, вы сказали, что сами справитесь с мнимым сердечным приступом жены. Об этом есть соответствующие показания Каменевой, – Гольст положил руку на папку с делом. – А также врача скорой помощи. Зачитать?

– Нет, – глухо ответил Ветров.

– Дальше. Выстрелы в спальне ваших родителей были произведены с интервалом в 3–4 секунды, а не через полминуты, как вы утверждаете.

Следователь зачитал показания Бобринских и Цыплаковых.

– Ну и что? – хмуро заметил Борис.

– А то, что ваши родители были убиты.

Гольст дал Ветрову прочесть заключение повторной судебно-медицинской и баллистической экспертиз. Тот ознакомился с документами долго, несколько раз перечитывал отдельные места, видимо лихорадочно думая, как устранить противоречия между бесспорными фактами и своими прежними показаниями. Владимир Георгиевич терпеливо ждал. Наконец Ветров кончил читать.

– Что скажете? – спросил следователь.

– Ничего, – сквозь зубы процедил Ветров. – Вы хотите заманить меня в ловушку. Уверяю вас – не выйдет!

– Вы сами себя загнали в ловушку, – спокойно сказал Гольст. – Совершая преступление, вы допустили массу ошибок. А затем усугубили их своими показаниями. Во-первых, вы сказали, что ружье лежало на одеяле, а оно не могло там лежать. Во-вторых, стреляя в отца, вы перепутали спусковые крючки...

– Как? – вырвалось у Ветрова. Но он тут же осекся.

«Не выдержал», – отметил Гольст.

Однако Ветров попытался исправить впечатление от своего неосторожного восклицания.

– Я... Я хочу сказать, при чем здесь крючки? И вообще я при чем?..

– Готовясь к убийству, вернее, к инсценировке самоубийства отца, вы привязали веревку к левому спусковому крючку, а выстрел произвели из правого ствола. Патроны были одного калибра, но разной маркировки. Состав вещества, из которого сделана дробь, различен. Можете ознакомиться с заключением.

– Это меня не интересует, – холодно произнес Ветров.

– Следующая ошибка. Вы утверждаете, что дверь в спальню родителей была закрыта. Но в момент выстрелов она была открыта.

– Какое это имеет значение?

– Имеет. На внешней стороне обнаружены брызги крови вашего отца.

Это обстоятельство следователь выяснил в самое последнее время, когда производил обыск на даче и допросил Бобринскую. Она-то и вспомнила про кровь. Соответствующие исследования подтвердили это.

– Вы отлично помните, – продолжал Гольст, – что дверь открывается вовнутрь спальни. Внешняя сторона двери в открытом положении как раз обращена к кровати, на которой лежал ваш отец. Если бы выстрел был произведен при закрытой двери, то кровь попала бы на внутреннюю сторону. Что вы на это скажете?

Ветров молчал. Минуту, другую, третью...

– Я вижу, сказать вам нечего, – констатировал Владимир Георгиевич.

– Значит, я ошибся, – неожиданно со спокойной дерзостью заявил Ветров. – Дверь действительно была открыта, когда я вбежал в спальню родителей. Но я был в таком состоянии... Неудивительно, что забыл...

«Ну и наглец!» – чуть не вырвалось у Гольста.

Он, ни слова не говоря, перекрутил пленку на магнитофоне, нашел нужное место.

«Дверь в их спальню была открыта или закрыта?» – раздался голос самого следователя.

«Закрыта», – прозвучал ответ Ветрова.

«Это вы хорошо помните?»

«Отлично помню!»

– Странное выпадение памяти, – заметил Гольст. – А о том, что на вашей майке и трусах были брызги крови, которые заметила при стирке Ольга, вы тоже забыли?

– Я мог нечаянно запачкаться, когда сдернул с отца одеяло, – парировал Ветров.

– Где вы стояли, когда сдергивали одеяло? – спросил Гольст.

– В ногах у отца.

– В какую сторону вы потянули одеяло?

Ветров задумался. Вероятно, почувствовал подвох в вопросе.

– Прошу вас ответить, – строго сказал Гольст.

– Ну, потянул на себя...

– На этот раз память вас не подводит?

– Нет, – не очень уверенно ответил Ветров.

Владимир Георгиевич нашел в деле фотографию места происшествия, ткнул в нее пальцем:

– Видите, ноги вашего отца торчат из-под одеяла. Выходит, что одеяло вы не трогали, Борис Александрович...

Ветров молчал.

Гольст закрыл папку.

– Я думаю, фактов достаточно, – спокойно сказал он. – Вы запутались.

– Все нет! – Ветров вскочил со стула. – Все, что вы говорили и пытались доказать, – сущая ерунда! Я могу эти же факты истолковать по-другому! Да, да! И не думайте, что напали на сосунка! – Он распалялся все больше.

– Уверяю вас, я так не думаю, – не повышая голоса, ответил следователь. – Вы тщательно готовились к преступлению. Все использовали мнимую распущенность вашей сестры, мнимую шизофрению отца... Вы даже изучали книги по криминалистике и другую юридическую литературу. Я ознакомился с ней у вас дома. В частности, с Уголовно-процессуальным кодексом, что стоит в книжном шкафу. Он заложен на той странице, где говорится о прекращении уголовного дела. Кстати, день, когда дело о гибели ваших родителей было прекращено, вы пышно отметили в ресторане со своим другом Полонским. Не так ли?

– Не помню, – буркнул Ветров.

– Зато это хорошо помнит ваша знакомая, Стелла Виноградова. Вы тогда говорили, что теперь у вас в жизни есть все: деньги и свобода.

– Мало ли что можно наболтать, будучи под градусом. Знаете, если цепляться к словам...

– Слова словам рознь, – заметил следователь. – В тот же вечер той же Виноградовой вы заявили, что убийца часто попадается потому, что, совершив одно преступление, боится совершить другое. А жене как-то признались. – Гольст открыл дело на нужном месте и процитировал: – «Если мне понадобится убить своих врагов, я полгорода перестреляю. Мне убить человека ничего не стоит».

– Пустая бравада! – запальчиво произнес Ветров.

– Но вы пошли-таки на убийство.

– Господи! Подумайте сами, что я выигрывал в случае смерти родителей? Я ведь зависел от них! И материально, и, если хотите, морально... В конце концов, я по-настоящему любил их. Это подтвердит каждый, кто знает нашу семью. А Ларочка? Я в ней души не чаял!

– Вы говорили людям другое. – Гольст полистал дело. – Вот, например: «Мой отец как Плюшкин: тащит всякое барахло в дом. Над ним смеются».

– Кто это наклеветал?

– Это показания бабы Мани, тети вашей матери. Она же сказала, что вы родную мать называли курицей. Неумная, говорили, женщина, не знает значения слова «утрировать»... И вообще ваши родители – цитирую – «глупые, тупые мещане, совсем не близки мне по духу»...

– Ну, знаете! – Ветров задохнулся. – А баба Маня, если хотите знать, вообще выжила из ума! Старческий маразм!

– Нечто подобное о родителях вы говорили еще Ангелине Карповне, сестре отца, а также друзьям. Могут зачитать их показания.

– Не хочу слышать! – отрезал Ветров. – Завистники!

– О сестре вы тоже отзывались не очень-то нежно, – невозмутимо продолжал Гольст, листая страницы дела. – «Лариса – дура. Самое страшное, что с ней придется делиться дачей и всем, что останется от родителей».

– Кто?.. Кто все это выдумал? – Ветров от злости и волнения стал заикаться.

– Ваш приятель Геворкян. Эти слова вы сказали ему за три дня до убийства сестры.

– Врет! – выкрикнул Ветров. – Простить не может, что его девушка в меня влюбилась. Он меня ненавидит!

– Я этого не заметил. Геворкян уважает вас. Кстати, он помог вам организовать похороны, присутствовал на них. Правда, его удивило, что вы тогда не пролили и слезинки...

– Слезы – бабское дело! – парировал Ветров. – Я вообще не помню, когда плакал. Говорят, в детстве я тоже не...

– Да нет, Борис Александрович, – перебил Гольст, – плакали. И даже рыдали.

– Это когда же? – подозрительно спросил Ветров.

– Может, вы действительно не помните... А ваша тетя, Ангелина Карповна, помнит. Вам было шесть лет. Вас повезли в Ялту. Мама и тетя. Отец выдал матери тридцать рублей, в старых еще деньгах, на мороженое и конфеты для вас. Мать истратила их по назначению. Вы же потребовали эти тридцать рублей себе. Мол, отец дал их вам. Сколько Надежда Федоровна ни убеждала, что деньги истрачены на вас же, вы не хотели этого понять, кричали на мать, плакали...

– Я действительно не помню этого, – мрачно заявил Борис. – И не пойму, куда вы клоните.

– Все туда же... Объясняю: почему вы убили сестру и родителей.

– Из-за тех тридцати, простите, по-новому трех рублей? – усмехнулся Ветров. – Любой, даже малограмотный психолог посмеялся бы над такими выводами.

– Теперь сумма выражается куда более солидной цифрой. Одна дача сколько стоит! Кстати, какую цену вы запросили с Лебедянского?

– Кого-кого? – словно не расслышал Ветров.

– Лебедянского, – повторил следователь. – Который изъявил желание купить дачу.

– Да, я хочу ее продать, – с вызовом сказал Борис. – Что из этого?

– Странно. Если вы, как утверждаете, не убивали сестру и, естественно, не знали, жива она или нет, то как же могли начать переговоры о продаже дачи? Ведь Лариса по закону являлась такой же наследницей, как и вы.

– Во-первых, я еще раз повторяю, что никого не убивал. Во-вторых, сестра еще маленькая, и, будь она жива, я стал бы ее опекуном...

– Допустим. Но ведь на деньги, положенные на имя Ларисы в сберкассу до ее совершеннолетия, вы не имели никакого права. Однако же изъявили желание заполнить их. Выходит, знали, что сестра мертва?

После долгого молчания Ветров произнес:

– Вы основательно покопались в моей биографии. Но почему-то прошли мимо того, что я всегда бескорыстно помогал другим. Спросите в институте, бросил ли когда-нибудь Борис Ветров товарища в трудную минуту? Сколько сил я потратил, занимаясь с Турковым, Геворкяном! Да мало ли? – Он усмехнулся. – С чего вы взяли, что я мелкая, расчетливая личность?

– Не мелкая, – заметил Гольст. – Планы у вас были серьезные... «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь

деньги», – процитировал Владимир Георгиевич из дневника Ветрова и закончил его же словами: – «Ум кумо»!

– А Ольга? – воскликнул Борис. – Какая уж тут карьера? Из самой обыкновенной семьи, скромное положение и достаток...

– Ну, вы думали, что она внебрачная дочь Петрякова, проректора.

– Ерунда! Я с самого начала знал, что это сплетни.

– А вы и не собирались на ней жениться, – спокойно заметил Гольст.

– Вот те на! – изобразил крайнее удивление обвиняемый. – Так зачем же, по-вашему, я все-таки женился на ней?

– Боялись, что она скажет правду.

– Какую?

– О том, что в действительности было в ночь на первое сентября. Вы держали ее при себе, зная: пока она рядом, вы сможете давить на нее. И постоянно напоминали ей: если будут спрашивать, где вы находились в момент выстрелов, чтобы она отвечала, что вместе с ней. Ольга – единственный свидетель, который подтверждал ваше алиби. А теперь доказано, что алиби нет. И все улики и факты свидетельствуют: убийца сестры и родителей – вы.

Ветров вдруг загадочно улыбнулся и твердо произнес:

– Это заблуждение. Вы никогда не добьетесь моего признания в убийстве. – Помолчал и добавил: – Никогда!

На последующих допросах Ветров продолжал категорически отрицать свою вину.

Была произведена очная ставка между Борисом и его женой. Следователей поразила наглость, с какой Ветров обвинял жену во лжи, называя ее ревнивой и мстительной. Ольга не выдержала и разрыдалась.

Большинство родных и знакомых Ветрова не могли поверить, что он совершил такое злодеяние. Некоторые считали, что следствие глубоко заблуждается и настоящий убийца или убийцы еще не найдены. По их мнению, Борис заслуживал не ареста, а отдыха где-нибудь в санатории или на курорте после потрясения. Но были и такие, которых не удивило, что Ветров совершил столь тяжкое преступление. Один из бывших друзей Бориса, одноклассник, видел, как Ветров-подросток зверски убил в лесу бродячую собачонку. После этого их дружбе с Борисом пришел конец.

И вообще выяснилось, что садистские наклонности в обвиняемом замечали давно. И не только по отношению к животным. Например, Ветрову доставляло удовольствие, когда люди испытывали перед ним страх. Он наводил на человека заряженное ружье и смеялся, если это кого-то пугало. А однажды даже выстрелил вверх головы знакомой девушки.

С детского возраста Борис коллекционировал ножи, трофейные штыки, имел духовое, а потом мелкокалиберное и охотничье ружья. Как ни странно, увлечение сына холодным и огнестрельным оружием не вызывало у его родителей беспокойства. Более того, к совершеннолетию отец подарил ему охотничий нож и тульскую одностволку для охоты.

Когда Гольст на одном из допросов привел Ветрову примеры его жестокости, тот заявил:

– Насчет моих якобы агрессивных проявлений – вранье. А увлечение оружием естественно. Все пацаны в детстве играют в войну, в охотников. В этом нет ничего ненормального, порочного. Зачем тогда существует «Зарница»? Ну, военная игра у подростков?..

Сколько обвиняемый ни упорствовал, Владимир Георгиевич чувствовал: под натиском улик и фактов, приводимых следствием в доказательство его вины, у Бориса все меньше и меньше аргументов для защиты. На одном из допросов он наконец сознался, что в момент выстрелов действительно находился в большой комнате, а не с Ольгой. Но тут же выдвинул версию, что его родителей убила... Каменева.

Допрос следовал за допросом. Почти ежедневно. Их проводили, сменяя друг друга, Гольст и Ворожищев.

Однажды среди ночи раздался звонок в гостиничном номере, который занимал Владимир Георгиевич. Начальник следственного изолятора взволнованно сообщил:

– Товарищ Гольст, у нас ЧП. Ветров пытался задушить своего сокамерника. Мы поместили его в одиночную камеру. Там он покушался на самоубийство...

– Каким образом? – спросил следователь. У заключенных под стражу в обязательном порядке отбирались все предметы, могущие послужить орудием убийства или самоубийства.

– Пытался повеситься. Разорвал тюфячный чехол и сделал из него петлю. Надзиратель увидел его уже висющим. Сейчас он в тюремной больнице.

– Жизнь его в безопасности?

– Приняли, естественно, меры...

После этого звонка Владимир Георгиевич так и не смог больше заснуть.

Еле дождавшись рассвета, он тут же отправился в следственный изолятор. На месте узнал подробности ночного происшествия.

Оказалось, что на своего сокамерника Ветров набросился совершенно неожиданно, когда он лег спать. Хорошо, что тот обладал могучей физической силой и сумел справиться с Ветровым. А попытку самоубийства Борис совершил так: конец веревки из тюфячного чехла привязал к оконной решетке, встал на парашу, просунул голову в петлю и отшвырнул парашу ногой.

После случая с сокамерником надзиратель получил указание особо внимательно наблюдать за Ветровым, поэтому заглядывал в его камеру через глазок в двери чуть ли не каждые пять минут. И заметил висящего Ветрова буквально через несколько секунд после того, как он оттолкнул ногой парашу. Хотя Борис уже успел потерять сознание, но принятые меры устранили угрозу его жизни и здоровью.

Гольст пытался понять, чем вызвано такое поведение подследственного, в частности попытка самоубийства. Что это? Мучает совершенное? Сдали нервы? Но как расценить тогда покушение на сокамерника? Может, между ними произошла ссора? Однако начальник изолятора, беседовавший с сокамерником Ветрова, сказал, что у них не было никаких трений. Все это Гольст намеревался выяснить на ближайшем допросе Ветрова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.